

[Введение](#)

[Критика двухязычного словаря](#)

[Указатели](#)

Введение

Словарь в свете когнитивной лингвистики

- О природе концепта
- Критика прототипа и функциональная составляющая концепта
- Что такое значение. От концепта к сети
- Об операционализации концепта и концептуальных схемах
- **Кейс-стади: Напрасно, но не зря!**
- О теоретическом статусе двуязычного словаря. Словарь для продуктивного понимания
- О приложении принципов когнитивной лингвистики в лексикографии
- **Кейс-стади: *lätsas*** – пример для сводной демонстрации проблематики исследования

В этой работе, как показывает уже ее название, проблематизируется – и переопределяется – онтологический статус двуязычного словаря. Это не инвентарь соответствий – так называемых переводных эквивалентов, устанавливаемых отождествлением, более или менее убедительным, условий истинности некоторых конвенционализированных употреблений слов «слева» и «справа». Такая инвентаризация заведомо неполна и принципиально неточна. Первое связано с отсутствием естественного предела, до которого можно довести дробление всего сущего, той экстралингвистической реальности, которую якобы объективно отражает «покрывающий» ее язык, второе – с неизоморфностью языковых картин мира. Отсюда знакомое всякому пользователю двуязычного словаря «наивное» чувство неудовлетворенности словарем, когда в нем сплошь и рядом не оказывается «как раз того, что нужно».

Словарь видится автору как соотнесение двух лексико-грамматических континуумов концептуальной природы, содержит не одни лишь слова, но и конструкции, понимаемые как идиосинкретические единицы языка, – а то и другое – как его содержательные или символические формы, – и строится на пересечениях концептов единиц двух языков в условиях ихнейтрализации, актуализуемых в высказывании.

Понятие концепта – и соотносимые с ним понятия топологической схемы, функциональной составляющей, прототипа, концептуальной сети – являются в работе центральными. Тем не менее, они вводятся без определений. На это есть причины. Говоря о концептах языковых единиц, мы имеем дело скорее с неопределяемой категорией некоторого фундаментального подхода к языку, ближайшим образом характеризуемого как когнитивный, нежели с понятием в собственном смысле слова, обладающим достоинством (сомнительным, впрочем, в избранной нами идеологической перспективе) строгого термина. Понятие концепта само, если угодно, есть концепт – в смысле Делеза и Гваттари: оно непропозиционально, попытки истолковать его в форме пропозиций, схватить в рациональном определении порождают лишь множество «более или менее правдоподобных мнений» [Делез, Гваттари 1998:103]. В самом деле, в обширной концептуологической литературе, относящейся к самым разным областям знания – когнитивной психологии, психолингвистике, эпистемологии, философии языка, лингви-

стической семантике, лингвокультурологии можно найти сколько угодно увлекательных определений, ни одно из которых не обладает, однако, какой-либо научной ценностью: это лишь более или менее удобные, более или менее операциональные инструменты избравшего их исследователя.

В сфере лексической семантики существует, как кажется, молчаливое соглашение принимать концепт как неопределяемое базовое понятие. Так, в пионерской работе А. Вежбицкой «Лексикография и анализ концептов» [Wierzbicka 1985], как, впрочем, и в более поздних ее трудах, никакого определения читатель не найдет: концепт КОНЦЕПТ'а наполняется содержанием в ходе изложения, имплантируется в сознание читателя непропозициональным путем. Нет его и, например, в посвященной проблеме многозначности монографии Анны Зализняк [Зализняк 2006], где предлагается описывать полисемию как раз на основе концептуальных схем. Иногда дело доходит до курьеза, как, скажем, в статье Е. Рахилиной «О тенденциях в развитии когнитивной семантики» [Рахилина 2000 б], где в разделе, озаглавленном «Понятие концепта», ничего не говорится именно о понятии концепта. Это, как уже сказано, не случайно, и лучшее, на что можно надеяться – это такая предтеоретическая экспликация этого понятия, которой будет достаточно для его операционализации. Именно это – и эвристика выявления и описания концептов различных языковых единиц – представляет принципиальный интерес в прикладном аспекте нашей работы, т.е. в перспективе практической лексикографии. Давая центральным категориям нашего анализа обретать плоть и очертания по мере его развертывания, мы рассчитываем на сотворчество читателя. Тем не менее, расстановка главных теоретических ориентиров не будет лишней уже сейчас.

В лингвофилософском плане о концепте можно сказать, что он есть «идея слова», его эйдос, внутренняя содержательная форма, которую следует понимать как ментальный конструкт, представляющий собой топологически устойчивую – закрепленную за словом – конфигурацию компонентов феноменологического опыта.

Это – единственная имеющаяся в нашем распоряжении категория, позволяющая отнести к слову как к содержательной форме – примерно в том смысле, в каком можно говорить о содержательности художественных форм. Она позволяет работать со словом (и любыми другими языковыми единицами) как с содержательными – символическими – формами, которые т.с. пресуществляются (transubstantiate) в речи, становясь оформленными смыслами, а не выбираются для отражения некой действительности готовых значений.

В лингвистическом плане мы полагаем концепт как то, что в данном языковом коллективе позволяет употребить языковую единицу тем или иным способом: структурированный – следовательно, и генерализованный – фрагмент социализированного опыта, символизируемый этой единицей. По удачной формуле Дж. Р. Тейлора, «концепт – это принцип категоризации» [Taylor 2002:43].

Описание концепта слова или лексико-грамматической идиомы (конструкции) представляет когнитивно взятое, то есть узнаваемое, и психологочески реальное единство языковой единицы во всех ее реализациях в речи. Именно на основе анализа концептов можно построить двуязычный словарь, наилучшим образом удовлетворяющий сущности этого лексикографического жанра – такой, который бы обеспечивал пользователю *узнавание* чужого слова как своего и *порождение* равноценного текста на родном языке. Мы будем называть его словарем для продуктивного понимания (СПП).

Концепт в модели СПП представляет собой когнитивную схему, более сложную, чем известные топологические схемы Марка Джонсона [Johnson 1987]¹, но и не обладающую, с другой стороны, богатством образного представления. Мы постулируем наличие такой схемы у каждой языковой единицы, будь то предметное имя, частица или конструкция [ср. Taylor, *tam же*].

Будучи такой схемой – если угодно, моделью специфического мироотношения – концепт является именно когнитивной рамкой, задающей прагмасемантическое поле, на котором говорящими разыгрываются языковые смыслы. Сам же он, как уже упоминалось, непропозиционален – в том смысле, что не является утверждением о мире, не отсылает ни к каким условиям истинности, не есть значение и не имеет значения. Даже концепты слов с осозаемым лексическим значением вовсе не определяют своего предмета в терминах необходимых и достаточных признаков. Слова *стол*, *дурак*, *скотина* – это именно слова, а не термины. В объективном мире встречаются вещи, которые мы называем столами и дураками. Но они существуют в этом качестве лишь постольку, поскольку мы их так называем. Быки и коровы потому скотина, что мы их так категоризируем. В учебниках отыщется, вероятно, научное определение понятия «хозяйственное животное», пригодное для сдачи экзамена по основам животноводства, но слову *скотина* не соответствует никакая реальность на свете, которую можно было бы «научно определить». Можно говорить о концепте любви, но едва ли – о понятии любви. Концепт «заязан» на говорящем, антропоцентричен, и эта привязка есть его функциональная составляющая – то, ради чего он, собственно, и нужен говорящему, *raison d'être* его существования в облике языковой единицы. Концепт, следовательно, это схема осмыслиенного – функционально значимого – мироотношения. Выявление функциональной составляющей является важнейшей частью концептуального анализа единиц языка.

В работах по когнитивной семантике такой анализ сплошь и рядом подменяют ссылкой на прототип лексической категории, ее «лучший экзем-

---

¹ Топологическая схема (*image schema*) – это «рекуррентная, динамическая модель наших моторно-сенсорных взаимодействий [со средой – Е.Р.], придающая связность и смысл нашему опыту» [Johnson 1987:XIV]. Это фундаментальные схемы пространственных, силодинамических, количественных отношений, схемы идентификации и пр. (например, ВЕРХ-НИЗ, КОНТЕЙНЕР, КОНТАКТ, ПРЕПЯТСТВИЕ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, СОВПАДЕНИЕ и ряд других).

пляр», организующий центр, по отношению к которому «радиально» располагаются все остальные, периферийные члены. И хотя сторонники теории прототипов отрицают возможность дать слову признакомое толкование, описание прототипического значения, неизменно выбираемого интуитивно и до всякого анализа, сводится именно к исчислению признаков. Только они присутствуют в прототипе «в большей степени», более салIENTНЫ, их набор полнее, чем у членов на периферии категории. Так, например, прототипическая скотина – этот пример заимствован нами из [Рахилина 2000 а:18-21] – это быки и коровы: «В первую очередь «настоящей» скотиной являются, конечно, корова и бык; пожалуй, еще коза с козлом ...» А почему, собственно? – А потому, что это лучше всего «отражает интуицию носителя русского языка». Любопытно, какое животное следует назначить на роль прототипической собаки? Но не менее любопытна – и неизбежна – ссылка на интуицию, т.е. на непропозициональное знание той специфической сущности, «скотскости», которое конституирует данную лексическую категорию.

В концепте СКОТИНА есть, конечно, устойчивое ядро, нечто обязательное – но не для прототипической вещи, а для применимости слова: его функциональная составляющая. Применительно к прототипу она реализуется тривиальным образом, и в этом, на наш взгляд, состоит единственное оправдание употреблению термина «прототип» в когнитивной семантике, а вовсе не в том, что орел по какой-то причине менее птица, чем, скажем, воробей. И дело вовсе не в том, что слово имеет, якобы, периферийные значения, которые меньше похожи на центральное (прототипическое), чем не-периферийные, и что это можно описать путем подсчета и взвешивания признаков. «Периферийные» значения дальше от прототипа по нетривиальности – степени маркированности – функциональной составляющей в том или ином классе употреблений слова. Страус – пародия на прототип, но не потому, что он «менее птица», чем воробей, а потому, что он не способен к свободному полету и «не знает» об этом.

Говоря о прототипах, часто забывают, для чего затевалось все это теоретическое предприятие: в центре обсуждения оказывается не слово как лексическая категория, а класс денотатов, обладающих или не обладающих категориальной общностью. Прототип, если отвлечься от многочисленных вариаций, понимается двояко: как пучок семантических признаков либо как лучший экземпляр категории². Так как в теории прототипов снимается требование необходимости и достаточности, место которого занимает идея градуальности, прототип оказывается дизьюнкцией семантических признаков, в силу чего неизбежно разрушается специфика описываемой категории. Уловить ее «взвешиванием» признаков конечно же невозможно. Во втором случае имеет место прямое оstenсивное указание ('подобный X:у'), то есть теоретически незаконная попытка «схватить» сущность категории, «птичесть» птицы, путем апелляции к единому опыту говорящих.

---

² См. характеристику этих подходов, напр., в [Lakoff 1999:391], [Cruse 2006:146-7].

Понятие прототипа может работать лишь в том случае, если, прибегая к нему, хотят «схватить» не признаки лучшего экземпляра и не сам этот лучший экземпляр как некий узнаваемый гештальт, а именно «птичьесть»: то, что делает птицу – «птицей-для-нас». Это единство нельзя без остатка эксплицировать в понятийных категориях, задать набором пропозиций, как бы искусно их ни комбинировать; для его выражения нужны скорее образные средства. Собственно, указание на лучший экземпляр проделывает с вещью то же, что художник-сюрреалист: изымая ее из контекста, он заставляет думать о ней не как о конкретной вещи, а как о вещи-классе, вещи-категории. Отменяя ее функцию, он эту функцию актуализирует.

Постольку, поскольку оstenсивное указание может быть включено в словарное определение, оно имеет в нем законное право на существование. В самом деле, нельзя определить, что значит 'красный', без указания на красные вещи. Внятность такого определения зависит от того, что у нас одинаковое устройство (разумного) глаза [Gregory 1995]. Но оно лишено объяснительной силы: то, что мы готовы назвать этим словом, определяется конвенцией. Мы не говорим: «трава не красная, так как длина волны отражаемого ей света не равна длине волны красной части спектра». Мы «просто видим», что она не красная. Некоторые категории, в особенности же те, что апеллируют к перцептивному опыту, вообще не могут быть описаны, их можно только «разделить» с другими.

Анализ концептов интересуется не количеством и не весовыми коэффициентами признаков, якобы наследуемых от прототипа периферийными членами лексических категорий³, а способностью говорящих (вос)создавать когнитивные схемы, находящиеся в сложных диалектических отношениях с прототипом и санкционирующие все множество других употреблений благодаря возможности варьирования признаковых параметров концепта при неизменности его функциональной составляющей. Страус сохраняет некоторые признаки «прототипических» птиц – клюв, перья, маленькая голова, строение лап, хвост,rudиментарные крылья, яйцекладение и пр., – но он не потому называется *птица*, что обладает всеми этими признаками и в ряде отношений сходен с прототипом, а потому, что обладает 'птичьестью'. Что она такое? – наше представление о птицах, имеющее в виду нечто иное, чем только лишь объективные признаки некоторого класса денотатов, а именно, ту функциональность, которой мы их наделяем. И эта последняя в общем случае не есть функция самой вещи, то, для чего она предназначена (для чего предназначена гора?). Она есть то особенное и важное с точки зрения языкового коллектива, ради чего только и существует данное слово в его языке (а не термин во всеобщей энциклопедии). Мы называем страуса *птицей* не вопреки тому, что он не летает, учитывая, так сказать, его параметрическое сходство с прототипом, а потому, что по

---

³ Чем это, помимо замены понятия исходного значения понятием прототипа, отличается от старой добной радиально-цепочечной деривации?

нашим понятиям он должен летать⁴. А должен он летать потому, что он – птица. И из этого круга нельзя вырваться, сколь бы рафинированной ни была экспликация⁵. Именно это заставляет лексикографа обращаться в ряде случаев⁶ к приему оstenсивности и указывать на прототип (*красный* 'цвета крови'). Не потому, что прототип обладает неким набором существенных (но одновременно каким-то необъяснимым образом необязательных) признаков, а потому, что в нем проявляется это неэксплицируемое и нередуцируемое специфическое качество.

Возвращаясь к примеру Е. Рахилиной, согласимся с ней в том, что эту лексическую категорию, как, впрочем, и всякую другую, нельзя описать в терминах необходимых и достаточных признаков. Но, вырабатывая формулу концепта, можно указать на то, что является в нем существенным, ориентируя описание именно на его антропоцентрическую, взятую в смысловой перспективе говорящего сущность. Тогда в описание концепта скотина нужно будет включить такие «существенные компоненты»⁷, как *содержание в хлеву*⁸, т.е. в специальном «грязном» (точнее 'не чистом') помещении рядом с жилищем хозяина, и то обстоятельство, что скотину *пасут*, то есть что она не обладает никаким самостоятельным разумением. Взятые в перспективе концептуализатора, то есть не объектно, эти «признаки» работают на создание у пользователя словаря верного представления об этом слове.

Итак, в концептуальном анализе мы имеем дело с топологически устойчивой когнитивной схемой – антропоцентрически значимой (заинтересованное, имеющее смысл непропозициональное знание о мире), варьи-

⁴ Мы не ставим здесь перед собой задачу экспликации этого весьма сложного концепта, но полагаем все же, что идея свободного полета, несвязанности, является его существенным компонентом.

⁵ См. [Wierzbicka 1985:180-181], где содержится обстоятельнейшая экспликация не понятия 'птица', а именно «птичьести».

⁶ Разумеется, далеко не всегда функциональная составляющая концепта не может быть схвачена в определении. В частности, это возможно для некоторых чисто функциональных концептов, таких, как НУ. Однако здесь мы не можем останавливаться на этом вопросе, имеющем прямое отношение к типологии концептов – большой самостоятельной теме.

⁷ Термин А. Вежбицкой (*essential components*) [Указ. соч.:59].

⁸ Не в стойле, как полагает [Рахилина 2000:19]. Это ошибка, и связана она с объективистским пониманием природы рассматриваемых признаков. Обратим внимание на то, что в контексте называемых здесь существенных признаков применение слова *скотина* для обозначения лошади, строго говоря, исключается, или во всяком случае становится менее удачным. Что лошадь в норме вряд ли называет скотиной, отмечает и Е. Рахилина, но объяснить это обстоятельство на основе традиционного прототипического подхода не удается. Но лошадь и в самом деле не скотина: у нее не хлев, а стойло – собственный дом, как и полагается пусты и прирученому, но гордому и свободолюбивому животному. К тому же и пасут лошадей, кажется, не совсем так, как коров или баранов; они скорее сами пасутся, причем их стреноживают, чтобы не разбежались, чего обычно не делают с коровами. Так нащупывается функциональная и антропоцентрическая составляющая концепта, вырабатывается схема, представляющая собой не набор объективных признаков категории, а именно описание идеи слова, которое, помимо «существенных компонентов» содержит еще и нечто из области представлений о характере скотов, без которого, в частности, не мог бы состояться метафорический перенос: *скот* – 'грубый, низкий человек'.

рование изменчивых параметров которой порождает сеть, состоящую из узлов-концептов, связанных с ядром (а нередко и между собой) когнитивными операциями над исходным концептом. Устойчивость концепта следует понимать не как семантическую инвариантность, а как устойчивость относительно функционального, то есть антропоцентрически значимого, содержания рассматриваемой лексической категории: деформации схемы возможны и допустимы в тех пределах, в которых сохраняется неизменной функция.

Что касается значений, то они не являются «принадлежностью» слов, но возникают в речевом акте, в смысловой перспективе говорящего, эксплуатирующего концепт в своих целях, то есть в реализациях функциональной составляющей концептуальной схемы в известных прагматических условиях. Конечно, элемент создания значений, творческого усиления концептуализатора, в обыденной речи стерт: в подавляющем большинстве высказываний мы используем лексикализованные и лексико-грамматикализованные концепты языка, на котором говорим, так, как они уже тысячу раз использовались до нас. Именно конвенционализированный, окаменевший смысл мы называем значением и объективируем, приписывая его слову. Но оно не есть смысл, а лишь возможность смысла, арена его разыгрывания. Связность концептуальной сети, о чем говорилось выше, пределы варьирования или, если угодно, разыгрывания концепта обеспечиваются робастностью его топологии, то есть интактностью функционального ядра при допустимости значительной изменчивости многих параметров, включаемых в описание концепта.

Построение полных концептуальных сетей лексических и лексико-грамматических единиц языка составляет основу их словарного описания и значительную часть содержания предлагаемой работы.

* * *

Выше мы сказали, что понятию концепта можно дать лишь операциональное определение, то есть такое, которое в себе самом содержало бы процедуру, позволяющую его выявить и описать. Такое описание мы называем в дальнейшем *первообразной концептуальной схемой* (ПКС). Будучи описанием концепта слова или конструкции, она отражает единство языковой единицы во всех ее прагмасемантических реализациях: как в конвенционно устоявшихся и, следовательно, представимых дискретно, так и в переходных и речетворческих употреблениях. Само это единство принимается нами как данное говорящему в его феноменологическом опыте.

Первообразной мы называем ее, во-первых, потому, что она является ядром концептуальной сети «своей» языковой единицы, но также и потому, что она исходна в диахроническом смысле⁹. Схематизм же связан с при-

⁹ И если считать прототипическое значение в общем случае наиболее ранним (см., например, [Плунгян 2000:231]), – это, однако, далеко не всегда так, что будет не раз показано в дальнейшем изложении, – то прототип, первое значение в словаре на исторических принципах, может послужить одним из эвристических инструментов для выявления ПКС.

родой концепта, который является категоризирующим обобщением опыта весьма высокой степени абстракции.

Искомым операциональным определением будет такое, в котором концепт характеризуется как объединительное начало, как «принцип категоризации», как инвариант некоторого когнитивного мироотношения. Иными словами, концепт – это стабильная когнитивная схема, символизируемая языковой единицей (словом, НЛЕ, конструкцией), санкционирующая все приемлемые для носителя языка употребления этой языковой единицы. Мы можем быть уверены, что выявили и описали концепт, если построенная ПКС «работает» в качестве сетеобразующего ядра и, вместе с тем, достаточно специфична, чтобы отличить описываемый концепт от других, сходных с ним концептов. Разумеется, это определение имеет смысл только в контексте хорошо разработанной эвристики построения ПКС языковых единиц различных классов.

Сходное определение находим в [Зализняк 2004], однако здесь это лишь объединительный термин, обозначающий не концепт, а конструкт: более или менее удачное объединение всех значений слова, по существу предполагаемых заранее известными, на какой-либо – в принципе, на какой угодно – основе, будь то прототип (именуемый также исходным значением), семантический инвариант, сценарий или образ-схема. Вместо типологии концептов предлагается типология «способов связывания», как если бы эти последние не определялись природой самих описываемых концептов.

Так, предъявив три значения наречия *напрасно*:

- неэффективности действия (*напрасно съездил* = 'безрезультатно')
- ошибочности мнения (*напрасно так думаешь* = 'ошибаешься')
- оценочное (*напрасно отказался* = 'лучше было согласиться')

автор предлагает следующую концептуальную формулу:

'Употребляя выражение *напрасно P*, говорящий утверждает, что то *Q*, которое составляет *raison d'être* этого *P*, не существует',

не замечая порочного круга в своем подходе. Эта формула соотнесена не с концептом НАПРАСНО, а со множеством «значений» лексической единицы, установленных прежде всякого описания. Получается короткое замыкание, поскольку связываемые значения предполагаются известными до построения концептуальной схемы, а затем, когда она предложена, подаются в качестве ее реализаций. Это – круг, разорвать который нельзя, оставаясь на почве объективистской семантики, помещающей значение в метаязыковое пространство, т.е. отрывающей его от носителя смысла, концептуализатора.

По этой причине эта формула дает сбой на других примерах. Она не отсеивает употреблений с неагентивным субъектом (* *напрасно солнце взошло*), не исключает иллокутивного самоубийства (* *напрасно я так думаю*), допускает *напрасно* в контексте предикатов неконтролируемого внутреннего состояния (* *напрасно ты ее любишь*), не различает близких концеп-

тов (равно применима к зря, причем в каких угодно употреблениях, например, ** зря старутика ждет сына домой*).

Отрывая концептуальную схему от того, что имеет онтологический статус, то есть по существу превращая ее в этикетку, нельзя предложить никакого правила соответствия, никакого критерия, по которому мы могли бы узнать, что достигли лексикографической нирваны – описали «ту сущность, которая обеспечивает семантическое единство слова» [Зализняк, ук. соч.). Подстановка исходных примеров в описание языковой единицы, полученное применением выбранного метаязыкового аппарата ко множеству значений, доказывает вовсе не то, что мы открыли и описали ее концептуальную схему, а всего лишь корректность семантического обобщения. Это именно более или менее удачный конструкт, причем вполне релятивистский по своей природе: то «единство», которое он призван отразить, определяется не искомой сущностью, а техникой самого описания, что Фред Хаузхолдер однажды назвал лингвистикой ловкости рук [*'hocus pocus'* *linguistics*, Householder 1952: 260].¹⁰

Приведем здесь свою формулу концепта НАПРАСНО¹¹ (именно концепта, а не семантического инварианта):

напрасно P

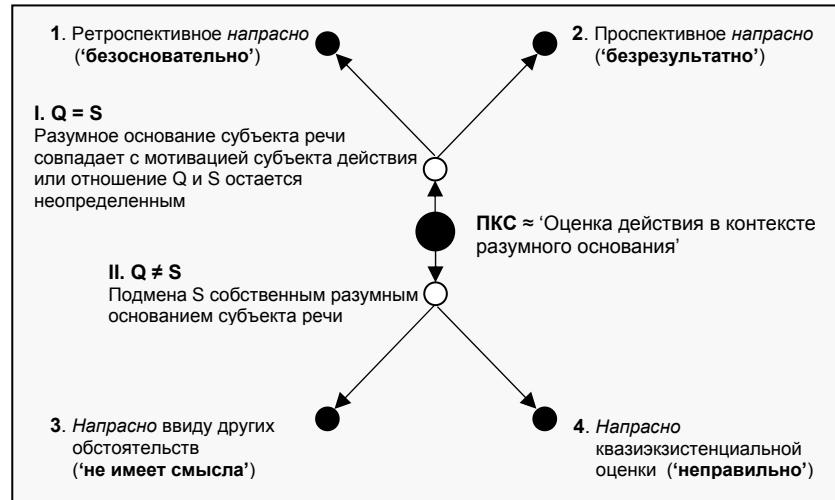
- (a) X думает или испытывает нечто (S)
- (b) этим обусловлено некоторое действие или состояние X:a (P)
- (c) Y считает, что это действие или состояние неоправданно
- (d) у Y:a есть (свое) основание так считать (Q)
- (e) поэтому он может думать, что действие или состояние X:a плохо в каком-либо отношении ('неправильно')
- (f) Y говорит об этом [(c)] X:y

---

¹⁰ Разумеется, различные "метаязыковые техники" не лишены содержательной соотнесенности с типами концептов, но как раз эта корреляция, принципиально важная для выработки эвристики концептуального анализа, в [Зализняк 2004; 2006] оставлена без внимания.

¹¹ Мы по необходимости опускаем детали анализа, занимающего в развернутом виде полтора десятка страниц. Укажем однако, что он в значительной части строится на сопоставлении двух близких, но отнюдь не тождественных концептов, НАПРАСНО и зря. *Напрасно* рассудочно, направлено на действие в контексте его оснований и имеет форму (квази)истинностной оценки; оно как бы взвыает к логике. *Зря* более эмоционально, так как содержит прямую экзистенциальную оценку действия. Отметим также, что в нашу формулу эксплицитно введены участники ситуации (в пределе это отношение может быть и рефлексивным: *напрасно я его ожидаюсь*), что оценочная составляющая принадлежит не одному из значений слова *напрасно*, а концепту, и проявляется во всех его реализациях, и что она – иной природы: это не прямая оценка оснований действия, а оценка самого действия в контексте его оснований; во-вторых, это квазиистинностная оценка – истинностное суждение, взятое в его антропоцентрическом ключе, то есть с точки зрения субъекта суждения (т.с., в частной перспективе). В этом своем качестве она должна быть введена в ПКС в явном виде. Должна быть показана и возможность ее трансформации в экзистенциальную оценку, равно как и условия этой трансформации (рационализация S говорящим плюс возможный метонимический перенос оценки с действия на деятеля).

Схема концептуальной сети *напрасно* приведена ниже¹²:

Предложенная схема, как кажется, схватывает суть концепта НАПРАСНО, исключая при этом родственные концепты, например, зря. Последний, в частности, содержит прямую экзистенциальную оценку действия (мнения, поступка, состояния) субъекта (*зря оскорбил* = 'поступил неправильно'), тогда как оценка действия в контексте разумного основания у него, наоборот, может возникать только как вторичная и ни в коем случае не является обязательной. Между этими концептами есть зоны пересечения. В них могут попадать высказывания, в которых у *напрасно* актуализован компонент (e) или у *зря* – возможность непрямой оценки.

Обратим внимание на то, что эта ПКС не является толкованием слова *напрасно* в каком-либо из его значений, ни даже толкованием, обобщающим несколько значений (в пределе мечтаний лексической семантики – все). В ней нет исчисления необходимых и достаточных признаков, верифицируемых в терминах семантики истинности: она по своей природе не-пропозициональна¹³. Будучи описанием ментальной модели некоторого класса ситуаций, она не фиксирует коммуникативного статуса ее компонентов; последний присваивается им концептуализатором в высказывании. Это именно экспликация концепта, мотивирующая все употребления этого слова (как конвенционально закрепленные, то есть те, которые обычно выступают в качестве словарных значений, так и всевозможные творческие и переходные по своему смыслу)¹⁴ и позволяющая отличить его от других концептов, оставляя за ними, однако, право на пересечение с собой в неко-

¹² Сведения об употребляемой здесь нотации читатель найдет на с. 48.

¹³ Хотя мы и принуждены описывать ее в терминах пропозиций. «Уйти» от этого можно путем построения образа слова.

¹⁴ Речь идет не об отношениях семантической производности, а о пластичности ПКС, допускающей множество "топологических деформаций", не разрушающих функционального ядра. Смыслопорождение – порождение «значений» – принадлежит концептуализатору.

торых референциальном сходных ситуациях. Она также исключает неприемлемые употребления. Наконец, она пригодна на роль сетеообразующего ядра данной ЯЕ. Иными словами, она интуитивно удовлетворительна, так как в состоянии обеспечить внятные и естественные межузловые связи, возникающие в результате когнитивных операций над первообразным концептом. Тем самым, она может служить основой для построения **образа слова**, что составляет предмет наших особых забот применительно к задачам практической лексикографии.

Позволим себе повториться: концептуальная схема не есть отражение прототипа (центрального значения); последний не в состоянии санкционировать никакого единства лексической категории. Не является она и логико-семантическим конструктом (инвариантом), каким она предстает в анализе А. Зализняк. Это именно когнитивная схема со своим **позитивным** содержанием, которое можно выявить и описать, хотя она и не дана нам в непосредственном восприятии. Мы не знаем, в каком именно виде хранится конвенциональное лингвистическое знание в головах носителей языка, на само это знание поддается экспликации. То обстоятельство, что последнее возможно в конечном счете только путем интроспекции, усмотрение концепта, – разумеется, опирающегося на серьезную эвристику, ряд приемов, связанных с анализом сочетаемости, смысловых различий в минимальных парах с референциальными тождественными условиями употребления т.н. «синонимических средств» [*напрасно старушка ждет сына домой* ('его нет в живых, он домой не собирается и т.п. – квазистинностная оценка) *vs зря старушка ждет сына дома* ('он совсем забыл про мать, плохой сын' – квазиэкзистенциальная оценка); выявлением типов употреблений с немаркированной функциональной составляющей (*тяжелый камень*); анализом формально сходных выражений (*рассчитывать на компьютере* 'производить вычисления' *vs рассчитывать на компьютер* 'полагаться на компьютер') и др. – нисколько не делает этот подход ненаучным. Напротив, он предлагает куда более убедительное объяснение природы и грамматического поведения языковых единиц, чем позитивистские построения лексической семантики.

Сказанное отсылает нас к работам А. Вежбицкой. В самом деле, предложенная выше ПКС концепта НАПРАСНО сходна с экспликациями в ее анализах. Сходство состоит в том, что эта схема представляет собой набор компонентов ментальной презентации фрагмента социализированного опыта, символизируемого данной ЯЕ, и непротиворечива, то есть не является утверждением о значении этой единицы. Она лишь задает связанное с ней поле прагмасемантических возможностей, на котором происходит разыгрывание смысла между говорящим и слушающим в богатых конкретной условиях речевого акта. Однако, это сходство не должно заслонить существенных различий. Наша схема ориентирована на экспликацию концепта, а не «прототипического концепта», находящегося якобы в центре естественно-языковой категории. Наоборот, прототип – лишь одна, в некотором смысле, базовая, инстанциация первообразной концептуальной схемы.

мы, такая, в которой не актуализуется или актуализуется в наименьшей степени функциональная составляющая концепта. Иными словами, в нем не проявлена – не салиентна, не маркирована – специфическая позиция концептуализатора. Можно говорить о неотделенности прототипических употреблений ЯЕ от тривиальной интерпретации. Эта дистинкция – исключительно важная – отсутствует, как нам кажется, в работах школы Вежбицкой. Поэтому предлагаемые в ее рамках экспликации ориентированы скорее на концепт в его совпадении с прототипическим значением (или одним из других значений, признаваемым салиентным), чем на схватывание единства лексической категории в целом.

* * *

Мы начали с того, что вопрос, давший название этой работе, – *Как возможен двуязычный словарь?* – проблематизирует самый предмет рассмотрения, ставит под сомнение его онтологический статус. Почему? Ведь двуязычные словари неоспоримым образом существуют, ими пользуются, а некоторые из них даже находят вполне удовлетворительными.

А потому, что при ближайшем рассмотрении оказывается, что двуязычный словарь не может существовать – ни с точки зрения господствовавшей на протяжении десятилетий философии языка, понимавшей слово как логос, знак внеположных смыслов, ни с точки зрения лингвистической теории, понимавшей язык как конечный автомат¹⁵, ни, наконец, с точки зрения лексикографической практики, понимавшей – и все еще понимающей – двуязычный словарь как перевод толкового. Остановимся коротко на лингвофилософском аспекте проблемы; два других подробно освещаются в дальнейшем изложении.

Речь идет о двух парадигмах в философии языка, отчетливо описанных еще в знаменитой книге В. Волошинова (круг М. Бахтина) «Марксизм и философия языка» (1929) как «абстрактный объективизм» и «индивидуалистический субъективизм». В новое время они предстали как разошедшиеся ветви – и во многом односторонние упрощения – антиномии В. фон Гумбольдта о языке:

эргон	vs	энергейа
<i>или</i>		
язык как данность, объект и отражение мира	vs	язык как деятельность, становление и мирополагание

На протяжении целого почти столетия господствовала первая из них, нашедшая наиболее полное и последовательное выражение в структурной

¹⁵ Классической в этой связи можно считать следующую дефиницию подобных моделей в [Мельчук, Жолковский 1984:69]: естественный язык – это «своего рода преобразователь, ставящий в соответствие любому заданному смыслу множество выраждающих его (т.е. синонимичных друг другу) текстов на естественном языке, а любому заданному тексту – множество выражаемых им (омонимичных друг другу) смыслов».

лингвистике. И хотя на наших глазах произошел тектонический сдвиг в гуманитарной науке, выразившийся в новом осознании ею антропоцентристической природы языка и множественности «картин мира», в лексикографии по-прежнему преобладает взгляд на язык как на объект, как на нечто данное и заданное. Двуязычный словарь в рамках этой парадигмы лишен теоретического статуса уже потому, что естественный язык непригоден для строго научного (читай – позитивистского) описания другого естественного языка, понимаемого объектно. Такое описание можно строить только на специальном метаязыке путем редукции значения к неразложимым семантическим компонентам, соединение которых подчиняется синтаксическим примитивам пропозициональной логики. Абсолютизация другого полюса гумбольдтовской антиномии также лишает двуязычный словарь онтологии, так как признает единственной реальностью слова лишь его употребления.

Истина, конечно, не посредине между полюсами антиномии. Там она никогда не бывает; это место зарезервировано за эклектикой. Необходим синтез, который бы брал за основу слово не как набор неинтуитивно объединяемых лексем, значения которых понимаются как пучки дифференциальных признаков, и не как множество бихевиористски понимаемых употреблений, а как символическую единицу языка, как такое когнитивное единство, устойчивое и пластичное одновременно, каковым оно в действительности является. Оно обладает психологически реальной целостностью, коммуникативным и когнитивным единством для носителя языка. **На основе концептуального анализа лексики это единство может и должно быть сохранено и показано в двуязычном словаре.** При этом преодолевается основное противоречие двуязычной лексикографии: между изолированностью слова в словаре и его соположенностью и связанностью в дискурсе, между его «семантикой» и его «грамматикой». Такова вкратце программа СПП, двуязычного **словаря для продуктивного понимания.**

* * *

В попытке придать двуязычной лексикографии теоретический статус в науке о языке как раз и заключается теоретический пафос предлагаемой работы. В целом же она выполняет прикладную программу: построение – и демонстрацию на примерах конкретных разработок – модели двуязычного словаря, свободного от обычных «недостатков», присущих этому жанру, таких, как неконтролируемая пролиферация значений, неразличение синонимических входов, неточность, приблизительность в подборе эквивалентов, их неподставимость в текст перевода, аморфность больших словарных статей, в особенности, статей слов широкой семантики, немотивированный отбор и произвольное размещение примеров и фразеологизмов, общая нехватка комбинаторной информации или, иначе, остающаяся необъясненной и необъяснимой сочетаемость слова, как разрешенная конвенцией, так и потенциально возможная. Список можно продолжить.

Охарактеризованный выше подход к решению этой задачи сложился у автора под влиянием его собственной переводческой и лексикографической практики¹⁶. В этой перспективе лексикография – это взгляд на один естественный язык «глазами» другого, а вовсе не описание их обоих на общем языке-посреднике. В этом отражается, разумеется, прикладной аспект лексикографии, но и содержится имплицитное требование серьезного теоретического обоснования предлагаемых принципов построения эффективного двуязычного словаря.

Эта практика апеллировала к такому словарю, который обеспечивал бы узнавание, усмотрение, выработку интуиции относительно чужого слова, схватывание, если угодно, его идеи, того, чем обеспечивается единство и приемлемость всех его употреблений – и который не вел бы по ложному пути, предлагая окостеневшие равенства вместо точных когнитивных ориентиров, по которым переводчик мог бы найти единственно нужный ему эквивалент, хотя бы этот последний и не был предусмотрен составителем.

Только в прикладной лексикографии сохраняется такой реалистический или, может быть, «наивный» взгляд на словарь, обусловленный самой природой словарного дела – даже если в теории лексикограф исповедует иной, структурно-семантический подход к описанию лексики естественного языка. Лексикограф – стихийный когнитивист. В том смысле, что он стремится описать лемму так, чтобы во всех ее значениях и переводных реализациях она по возможности не распадалась на несоединимые осколки, но сохраняла смысловое единство. Такое единство может быть только концептуальным. Ни прототип, в понятии которого не заложены никакие естественные ограничения на рост и диверсификацию семантической сети¹⁷, ни семантический инвариант, неизбежно абстрагирующийся от самой сути того, что он тщится представить, не годятся на роль объединителя. Лексикографу необходимо научиться выявлять концепт – сознательно и методически. В противном случае легко подчиниться диктату традиции и укоренившегося объективистского взгляда на природу значения, в результате чего в словарных статьях возникают бессмысленные тематические разбиения, например, объединение в одну группу употреблений предлогов в якобы присущем им временному значении, таких как *om en vecka* 'через неделю' и *fem gånger om året* 'пять раз в году' – с полной утратой узнаваемого единства описываемого слова¹⁸.

Эпиграфом к этой работе могли бы послужить слова Рональда Лангакера, сказанные им в интервью венгерскому лингвистическому журналу:

¹⁶ [Ривелис 1998; 1999] и ряд других, неопубликованных словарных проектов, в частности «полупереводного» учебного словаря шведского языка *Svenska ord i sammanhang*, в котором по возможности наглядная и краткая концептуальная проработка каждой леммы дается в контексте, иллюстрирующем ее мотивированное концептуализацией грамматическое поведение, и с некоторой опорой на родной язык пользователя.

¹⁷ Ибо она апеллирует к подобию, а уподобить можно что угодно – чему угодно, истина от этого не пострадает (но и не заявит о себе). Ср. [Davidson 1978].

¹⁸ См. «КЕЙС-СТАДИ: Предлог *om* в шведско-русском словаре» в разд. 12 гл. 3.

«[Л]ексические единицы [...] – не сосуды, наполненные содержимым. Нет, они предоставляют нам полуструктурные способы доступа к концептуальному содержанию, существующему преимущественно на своих собственных условиях. [...] Возможно, словари могли бы делать более внятным то обстоятельство, что лексические единицы открывают доступ к когнитивным доменам, существующим по независимым основаниям, вместо того, чтобы просто предлагать краткие дефиниции. Мне не вполне ясно, как это можно сделать. Мне кажется, что словари в какой-то мере вводят в заблуждение, пытаясь в пару строк уложить словесное определение, предположительно выражющее значение лексической единицы. Однако никто и никогда не выражается такого рода определениями. Словарные дефиниции составляются в известном стиле и не указывают с какой-либо ясностью, что мы всякий раз специфическим образом апеллируем к некоторому корпусу знания. [...] Существует потребность в когнитивной лексикографии, основывающейся на категориях когнитивной грамматики» [Langacker 2005].

Предлагаемая работа представляет собой приложение принципов когнитивного подхода к языку к задаче построения двуязычного словаря¹⁹. Назовем два важнейших:

1. Всякая языковая единица, от морфемы (а может быть даже от фонемы) до конструкции, соотносительна с устойчивым концептом.
2. Возможности эксплуатации лексикализованных и лексико-грамматикализованных концептов говорящим, ограничиваемые условием интактности их функциональных составляющих, определяют грамматическое поведение языковых единиц.

То и другое ныне является по существу общим местом лингвистики когнитивного направления²⁰. А потому не стоило бы и приниматься за эту работу, если бы не то обстоятельство, что эти фундаментальные когнитиви-

¹⁹ Преимущественно, но не исключительно. Ряд разделов по необходимости посвящен более общим вопросам лексикографии и не связан прямо со словарным двуязычием. Сюда, в частности, относится заключительный раздел о словаре как естественном тезаурусе и о принципах построения конструикона.

²⁰ Хотя ни одна из этих предпосылок и не является, строго говоря, доказуемой. Это скорее вопрос философии языка или, если угодно, вопрос лингвистической веры, нежели позитивной науки. Впрочем, ничто не мешает ее, эту веру, отстаивать, и ряд аргументов читатель найдет в тексте этой работы. Если утверждение 1. выше и не может быть «научно» доказано, в его поддержку можно привести ряд операциональных свидетельств. Однако полное «доказательство» потребовало бы разработки исчерпывающей типологии концептов, которую, по-видимому, нужно строить на функциональной основе. Эта задача требует изучения огромного эмпирического материала, примерно так, как мы пытались показать в этой работе на отдельных примерах, не претендуя на типологическую полноту. Она выходит далеко за рамки настоящего исследования. Что касается грамматики языковых единиц, определяемой конвенционными границами концепта и имеющимися в распоряжении концептуализатора возможностями его прагмасемантической эксплуатации, то и утверждение 2. нуждается во всестороннем изучение языковых единиц самой различной природы – с целью показать, что их грамматическое поведение в самом деле мотивировано возможностями обыгрывания конвенций. Это по сути есть вопрос о пределах диверсификации концептуальной сети относительно ее ядерного концепта, вопрос, который во всей полноте не умещается в нынешних рамках. Мы все же сочли желательным хотя бы обозначить эту проблематику, составляющую фон предлагаемой работы.

стские предпосылки пока еще никак не реализованы в практике словарного дела, ни даже в его теории. От них – и от разрозненных попыток построения концептуальных сетей отдельных лексических единиц, обычно фрагментарных и исключительно с целью проиллюстрировать те или иные теоретические положения – до выработки эвристики когнитивной лексикографии и построения полноценной модели словаря на основе концептуального анализа – дистанция огромного размера. Именно это имеет в виду Р. Лангакер, признаваясь, что ему не вполне ясно, как эти принципы могут быть практически реализованы.

Не будет преувеличением сказать, что выработка таких эвристических принципов требует пересмотра всех теоретических предпосылок традиционной лексикографии. Не рассчитывая предложить сколько-нибудь полное решение этой задачи, мы хотим хотя бы нашупать эти принципы, найти подступы к операционализации центральных категорий, к которым они апеллируют, показать их в действии, пробудить у лексикографов интерес к новой методологии. Пересмотр должны подвергнуться такие священные основания лексикографии, как понятие лексического значения, требование подставимости определения на место определяемого (а в двухязычном словаре – эквивалента в тексте перевода), задача избежания порочных кругов в словарных описаниях, вопрос о статусе и размещении словосочетаний, идиом и паремий и множество других центральных тем лексикографии. Все они с той или иной степенью подробности затрагиваются в настоящей работе. В этом смысле она выполняет, пусть пока еще лишь в первом приближении, лангакеровский заказ на когнитивную лексикографию.

* * *

Говоря о прикладном характере этой работы, трудно удержаться от перехода на примеры. Приведем один, взятый автором совершенно произвольно из газеты от того дня, когда он принялся за это введение. Случайность выбора призвана не столько проиллюстрировать общую неработоспособность традиционного словаря на любом, каком угодно, примере, сколько показать, как затрагиваемая здесь проблематика пронизывает весь лексикон, дать предварительное наглядное представление обо всем том, что до сих пор обсуждалось в несколько разреженной атмосфере лингвофилософских абстракций.

В статье, из которой заимствован наш пример, речь шла о том, до какой степени еще до начала 1970-х гг. в Швеции отсутствовало гендерное равноправие даже на таком прогрессивном рабочем месте, как редакция этой либеральной газеты, и как даже всем известные, признанные журналистки ”var kvinnor som helst *inte lätsades om* att de hade barn; på den tiden fick man välja mellan att vara DN-journalist och kvinna” [DN, 11.07. 2007].

Впрочем, этот пример оказался удобен еще и тем, что он, как кажется, без труда переводим на английский: ”[They] were women who *would rather not pretend* they had children; at the time, one had to choose between being a

DN journalist and a woman". В такой интерпретации *pretend* выступает в явно маркированном и сравнительно редком значении (≈ 'осмелиться признать(ся)'), но при этом как раз обнаруживает весьма широкое – не в одних лишь центральных употреблениях – сходство со шведским депонентным глаголом *lätsas* и, по-видимому, способен заменять его в аналогичной конструкции²¹.

Однако в отношении перевода на русский пример этот куда менее податлив, во всяком случае, если полагаться на словари. В них сказано: «*lätsas* притворяться, прикидываться» [ШРС]; «притворяться; изображать из себя» [NRO] – эквиваленты, никак не подставимые в текст перевода: 'это были женщины, предпочитавшие *не притворяться, что у них есть дети; в те времена приходилось выбирать, быть ли журналисткой DN или женщиной'. Читатель может без труда убедиться, что они, строго говоря, непригодны и для перевода такой, например, беспроблемной фразы: *Barnen lätsades att de var brandsoldater* 'дети играли в пожарников'. При подстановке предлагаемых словарем эквивалентов получилось бы следующее: 'дети притворялись пожарными' или 'дети изображали из себя пожарных' – с заметным искажением смысла высказывания.

Новый шведско-русский словарь, NRO, правда, помимо этих значений предлагает еще ряд фразеологизмов со словом *lätsas*, в переводах которых употреблены и другие эквиваленты, не выделяемые, однако, в качестве самостоятельных значений: *делать вид* и, в контексте отрицания, *не показать виду*. Таким образом, лучший перевод, какой мог бы сделать проницатель-

²¹ Такая синонимизация возможна, когда компонент 'осмелиться' (см. ниже) не салиентен и представлен только в ослабленной форме сослагательным *would*. Вот еще пример сходного употребления *pretend*: "For those who *would rather not pretend* they're in dark and cloudy London, there is a large, covered outdoor seating area [outside The British Open Pub – E.P.] with its own bar" "Тот же, кто предпочел бы не признаваться (себе) в том, что находится в мрачном и туманном Лондоне, может расположиться в большом открытом баре под навесом". Этот смысл мог бы, по-видимому, быть передан и шведским *lätsas*. Обратим внимание на то, что *pretend* здесь не есть обман или притворство, а характеризует своего рода самовнушение (≈ 'воображать') – употребление, к которому способен и *lätsas*.

Эти наблюдения указывают на сходство концептов. Последнее подтверждается и тем, что шведский глагол при известных условиях может употребляться в только что указанном смысле и в сочетании с безударным *om* – т.е. с предлогом, а не адвебиальной частицей, как в нашем исходном примере – хотя такие употребления редки: "Vara dikten törsl *lätsas om det som är lika mellan mäniskor* – hur obehagliga de än är" "Только поэзия отсмеливается признать то {признаться самой себе в том}, чем люди сходны – какими бы непривлекательными они ни были" [Ула Ларсмо, из статьи о поэте Джеймсе Райте, www.olalarsmo.com/wright]. Однако, эти концепты только сходны, а не тождественны. Для *pretend* довольно обычны употребления вида *I can't pretend to say what went wrong* ≈ 'Не рискну сказать {не скажу}', что знаю, в чем именно была ошибка' – в значении 'дерзнуть, осмелиться, вознамериться, рискнуть' и т.п. или *He pretends to great knowledge* 'Он претендует на обладание большими познаниями' – в значении 'претендовать на что-л.', недоступные для *lätsas*, которому и для употребления в смысле 'признать(ся)' понадобился сопутствующий компонент 'осмелиться', выраженный отдельно глаголом *törslas*. Как сходства, так и различия в грамматическом поведении этих глаголов имеют концептуальные основания.

ный пользователь этого словаря или воруженный им умный компьютер, выглядел бы так: «[Э]то были женщины, предпочитавшие *не показывать виду*, что у них есть дети» – фраза, позволяющая догадаться об истинном смысле высказывания в контексте, но искажающая его по существу. Но даже для выполнения такого, не вполне корректного перевода пользователю понадобилось бы выбрать русскую лексическую единицу отрицательной поляризации *не показывать виду* по словарю, не дающему никакого представления о природе шведского фразового глагола, тоже являющегося такой единицей, и, тем более, не объясняющему особенностей его грамматического поведения.

Пользователю осталось бы неясным, почему *lätsas om* ведет себя не так, как *lätsas*, и почему для перевода первого не годятся те же «эквиваленты» – *притворяться, делать вид* – которые, пусть и с натяжкой (?? 'дети притворялись пожарными'), можно употребить при переводе второго. Особая, амбивалентная сущность шведского глагола ему бы не раскрылась. Показательна и сама эта натяжка: она свидетельствует, что предлагаемое словарем равенство – всего лишь фикция; шведское *lätsas* очевидным образом концептуально отлично от русского *притворяться*, хотя оно и может «значить» 'притворяться' при определенных условиях. Беда, разумеется, в том, что словарь ничего не сообщает об этих условиях (разве что имплицитно, в виде примеров, откуда они могут быть извлечены «проницательным пользователем»). Словарь, таким образом, не то чтобы плох, а принципиально плох. Он просто-напросто в принципе не обеспечивает пользователю доступ к концепту, в котором хранится конвенционализированное значение носителя языка.

Приемлемый перевод разбираемого примера мог бы выглядеть, например, так: «... женщины, предпочитавшие держать себя так, будто они не были матерями семейств»²². Опять-таки представляется, что поведение – и смысл – глагола *lätsas* проблематичны именно в контексте отрицания. Последнее хотя и стоит при глаголе, но распространяется вовсе не на действие 'lätsas om', а на дополнение, выраженное придаточным предложением *att de hade barn*. Во всяком случае, такое заключение навязывается переводом: необходим перенос отрицания ('они делали вид, что у них *нет* детей') Но это, как мы вскоре увидим, аберрация, вызванная подменой концепта слова одним из его частных значений.

Даже если бы компьютер был еще умнее, и тоже пришел к выводу, что сферой действия отрицания в этой фразе является не сказуемое, а дополнение, и потому при переводе на русский язык необходим перенос отрицания, он все равно произвел бы ошибочную фразу: «... женщины, ?? *делавшие вид*, что у них *нет* детей ...» или, в лучшем случае, «... женщины, ?? *не подавав-*

²² Следует, однако, отметить, что в таком переводе отсутствует элемент 'самовнушение' или, может быть, 'слияние с ролью' – отмысливание преднамеренности из ситуации LÄTSAS [«... женщины, едва ли признававшиеся (самим себе) ...»], ощущимый, как кажется, в шведском высказывании. Предлагая ниже гипотезу относительно этого концепта, мы учтываем дефицит этого труднопередаваемого в переводе смысла.

иие виду, что у них есть дети ...», то есть по какой-то причине притворявшиеся бездетными, а не такие, которые вели себя так, как если бы они не были женщинами.

Можно ли подать это слово в словаре так, чтобы оно сделалось «понятным» иноязычному пользователю, а перевод этой и других подобных фраз не вызывал затруднений? Безусловно. Но сделать это можно лишь путем экспликации концепта, а не перечислением возможных значений или способов перевода. LÄTSAS – энантиосемичный концепт, не имеющий когната в русском языке, в силу чего всякий конкретный эквивалент будет лишь частным и частичным, а потому по существу ложным. Забегая немного вперед, отметим, что глагол *lätsas* вовсе не выражает идею притворства, как можно было бы подумать, заглянув в словарь; она закреплена лишь за одним из типов его употребления. Нет в нем и компонента 'преднамеренность' (фигурирующего в шведских толковых словарях под этикеткой 'medvetet', т.е. 'сознательно' или 'осознанно'). В противном случае, все употребления в смысле игры, в которых отсутствует мысль о внешней цели, оказались бы необъяснимы. Не говоря уже о некоторых других употреблениях конструкции *inte lätsas om*, о которых будет сказано чуть ниже.

В первом приближении, формулой концепта LÄTSAS будет нечто вроде следующего: 'держать себя так, как если бы имело место *P*'.²³ Эта формула, во-первых, работает как в контексте отрицательной, так и положительной полярности, чего нельзя сказать ни об одном из частных значений, предлагаемых словарями. В этом нетрудно убедиться, подставив ее в разбираемый пример. Получится хотя и неidiоматичная, но синтаксически и по смыслу приемлемая метафора: 'женщины, не державшие себя так, как если бы у них были дети'²⁴. Отметим, что никакой противоестественной передвижки отрицания при этом не потребовалось: оно по-прежнему воздействует на глагол, как это в действительности и имеет место в шведском высказывании. Во-вторых, наша формула объясняет и «намеренно притворные» употребления *lätsas*, а также «игровые» и те, что относятся к самообману или самовнушению, не порождая при этом грамматически неправильных конструкций.

Таким образом, концепт LÄTSAS обращен на утверждение некоего положения дел. Это последнее не является действительным с точки зрения говорящего (ирреальность *P* в нашей формуле передается условным наклонением), но этот концепт имеет дело не с истиной или ложью (семантичес-

²³ Мы опускаем здесь обширный и трудоемкий предварительный анализ большого числа употреблений глагола *lätsas*, единственная цель и оправдание которого – это, так сказать, настройка на концепт, попытка вживания и усмотрения. Разумеется, полученная таким «не-научным» путем гипотеза нуждается в самой тщательной проверке на еще более широком материале, а также проверке на убедительность в контексте построения полной концептуальной сети описываемой лексической единицы. Она должна также работать на различие близких концептов. Здесь мы приводим этот анализ лишь в кратком (и по необходимости обединяющем) изложении.

²⁴ Подчеркнем, что формула концепта – не «эквивалент» и не предлагается для подстановки: она обслуживает понимание, узнавание чужого слова.

кая aberration, заставляющая составителей словарей видеть в нем идею обмана, фальши, фикции и т.п.), а с позитивно выражаемым утверждением некоторой жизненной позиции. Эта позиция может оцениваться как хорошая или дурная, но не в терминах истинности²⁵. Например, высказывание (a) *Han låtsades inte om att han var sjuk* могло бы, в зависимости от его pragmatики, быть истолковано как 'Он делал вид, что не болен', 'Он не показывал виду, что болен' и 'Он держался так, как будто не был болен', причем знак оценки может быть (слабо)отрицательным только в первом случае; в двух других он скорее положителен. Это также приходит в противоречие с семантикой обмана, которую навязывают словари.

Уже отмечалось, что какое бы значение мы ни приняли для *låtsas*, оно окажется работоспособным лишь в одном из контекстов: либо в выражениях с фразовым глаголом *låtsas om* с обязательной для них отрицательной поляризацией, либо в выражениях с собственно *låtsas*, допускающих как положительный, так и отрицательный контексты. Иными словами, значения, подставимые в (a) из предыдущего абзаца, не годятся для (b) *Han låtsades inte att han var sjuk (... utan ...)*²⁶. Скажем, если это значение – 'делать вид', то оно пригодно для перевода (b) 'он не делал вид, что болен', но не для (a): здесь эта подстановка, приводя к точно такому же результату, *'Он не делал вида, что болен', полностью искажает смысл высказывания. То же относится к значению 'притворяться, прикидываться, изображать из себя': уместное в (b): 'он не притворялся, что болен', 'он не изображал из себя больного', оно порождает превратную интерпретацию (a). Еще одно значение, 'воображать', – оно мысленно в (b), если pragmatические условия высказывания заставляют думать о самовнушении, «вхождении субъекта в роль»: 'он не воображал себя больным' – тоже не работает в (a). Таким образом, глагол *låtsas* с точки зрения иноязычного пользователя словаря выступает в (a) и (b) как две разные сущности, чуть ли не как антонимы, хотя для носителя языка это, конечно, одно и то же слово, обладающее психологически реальным единством в разных своих употреблениях, даже если он не в состоянии объяснить, чем оно обусловлено. Отметим также, что все названные значения – разумеется, с учетом pragmatики – возможны при переводе высказываний с нефразовым *låtsas* как в положительных контекстах, так и в контекстах отрицания. Читатель может в этом убедиться, подставляя их в предложения (c) *Han låtsades att han var sjuk* 'он делал вид, что болен / притворялся больным / воображал себя больным' и (d) *Han låts-*

²⁵ *Låtsas* является, следовательно, т.н. интерпретационным глаголом, если воспользоваться этим термином Ю. Апресяна, т.е. относится к лексико-семантическому классу глаголов, «которые сами по себе не обозначают никакого конкретного действия, а служат лишь для оценочной интерпретации другого, вполне конкретного действия, не обязательно физического, представляемого как уже совершенное кем-то» [НОСС:xxx].

²⁶ Это употребление контрастивно, предполагает наличие противопоставления, например, *utan var sjuk / utan spelade berusad* и т.п., т.е. *Он не притворялся больным, а был (в самом деле) болен / изображал пьяного*. На это нам указала проф. Барбру Нильссон, сделавшая и другие ценные замечания о фразовом глаголе *låtsas om*.

ades att han inte var sjuk 'он делал вид, что не болен / он воображал, что не болен' и т.п.

Составитель словаря может пойти по пути лексической семантики, выделив у вокабулы *lätsas* разные лексемы, а фразовый глагол – в отдельную статью, и не слишком заботясь о сохранении единства леммы. Этот путь для нас неприемлем. Можно, как это предлагает А. Зализняк, попытаться найти общую логико-семантическую формулу, покрывающую все значения *lätsas* и *lätsas om*, например, «держать себя соответственно некоему положению дел, не являющемуся действительным». Однако, как и в случае с *напрасно*, она даст осечку при выходе за пределы предустановленного круга значений. Она оказалась бы неприложимой к такому, например, случаю употребления *lätsas*: *Rekordhöga 1,2 millioner svenskar lätsas att de äger sina hem* 'Рекордное число шведов, целых 1,2 миллиона, *воображают* себя хозяевами домов, в которых живут' (хотя по существу ими владеют банки) – она не покрывает случаев с семантикой заблуждения или самообмана, оказываясь слишком абстрактной, слишком неспецифичной. Спецификация, добавление в схему еще каких-то семантических признаков, например, компонента 'преднамеренно', кажущееся естественным при таком подходе, – это представляется необходимым, когда речь идет об употреблениях *lätsas* в значениях, связанных с идеей обмана, ложного представительства и т.п., – не спасает положения. Она не подойдет, например, для (d) в конце предыдущего абзаца, где имеет место скорее самовнушение или самообман, нежели преднамеренность. И наоборот, добавление в формулу семы с противоположным знаком, 'непреднамеренно', сделало бы ее неприменимой для всех случаев употребления *lätsas* с семантикой притворства. Не могла бы приведенная выше формула объяснить и того, почему фразу *Он держался мужественно* нельзя перевести на шведский язык, употребив глагол *lätsas*: *"han lätsades vara modig"* значит нечто совершенно иное – 'он *притворялся* мужественным'.

Семантический инвариант никак не складывается, а если бы все же удалось отыскать такую всеохватную формулу, она не имела бы никакой различительной силы по отношению к смежным концептам.

Очевидно, что концепт данного слова – именно, концепт, так сказать, схема мироотношения, а не частное значение – некомпозиционален и непропозиционален, и что он должен быть «схвачен» как таковой. Его нельзя вычислить, но можно усмотреть. LÄTSAS предполагает такое поведение субъекта (способ держать себя), в котором отражается важное для него (поведенческое) утверждение (разыгрывание) некоторого положения дел, вне зависимости от осознанной (рациональной) воли. Это положение дел не является действительным с точки зрения критериев истинности²⁷, но это обстоятельство несущественно – оно, утверждаемое так положение дел, действительно в ином, феноменологическом смысле. **LÄTSAS создает свою действительность.** Преднамеренность связана со внешней целью (обман,

---

²⁷ Они принадлежат говорящему, являются его пресуппозицией.

лицемерие и т.п.), непреднамеренность – со внутренним состоянием субъекта; концепт LÅTSAS допускает то и другое. Только указанный выше смысл – невыводимый, как нам представляется, из логико-семантического анализа примеров, а усматриваемый через их сопоставление – уникален для концепта LÅTSAS и должен быть по возможности наглядно и интуитивно взятым образом описан в словаре.

Варьирование – или, иначе говоря, возможности концептуализации – осуществляется в случае LÅTSAS по параметрам не шкалярного, а бинарного свойства: 'преднамеренность – непреднамеренность' и 'обращенность на другого – обращенность на себя'. Концепт допускает любые из этих вариаций, и потому неоднозначность возможных интерпретаций приводившихся примеров – в порядке вещей. Она снимается только контекстом высказывания, да и то, конечно же, не всегда. Энантиосемия концепта LÅTSAS как раз и обнаруживается по этим параметрам: они могут принимать противоположные значения.

В заключение покажем, как именно концепт мотивирует грамматическое поведение лексической единицы. В SOB'e, стандартном толковом словаре шведского языка, фразовый глагол *lätsas om* дается как отдельная лемма и толкуется как частный случай *lätsas*: 'ge sken av att (inte) lägga märke till', т.е. 'делать вид {создавать ложное впечатление}', что не замечашь, не обращаешь внимания'. Словарь дает один канонический пример: *hon lätsades inte om honom* 'она делала вид, что не замечает его', сопровождая его указанием, что *lätsas om* употребляется только в контексте отрицания, т.е. является единицей отрицательной поляризации. Последнее хотя и верно, но неинформативно: имеет вид школьного правила, ничем не мотивированного, и не работает на «схватывание» чужого слова иноязычным пользователем.

Попробуем ответить на вопрос «почему?»: почему *lätsas om* ведет себя именно так. Концепт LÅTSAS, как это вытекает из ранее сказанного, **обращен на субъекта**. *Han lätsades...* является высказыванием о маркированном, позитивно проявленном поведении субъекта. В отличие от него, LÅTSAS OM вводит тематический объект и **обращено на объект** (за это как раз и отвечает ударная адвебиальная частица *om*), является отрицанием его действительного статуса, его существования – а точнее, утверждением его несуществования (в отношении к субъекту). При этом поведение субъекта не маркировано: он *не показывает виду*, а не *делает вид*. Можно сказать, что LÅTSAS утверждает существование того, чего на самом деле нет, а LÅTSAS OM – несуществование того, что есть. В обоих случаях имеет место **утверждение** некоего угодного субъекту положения дел. Что же до специфики поведения *lätsas om*, то это выражение именно потому не может быть употреблено в неотрицательном контексте, что это было бы равносильно утверждению существования того, что и в самом деле имеет место, либо утверждению несуществования того, чего и так нет. Нелепо ломиться в от-

крытую дверь, делая вид, что нечто существует, когда оно существует, или воображать, что чего-то нет, когда его нет²⁸.

* * *

Так при рассмотрении одного-единственного примера обнаруживается богатство целой речи. Грамматическое поведение слова *låtsas* (его сочетаемость, поведение в контексте отрицания) нельзя объяснить, не выявив его «идею», его концепт. Ничего этого нет в традиционном словаре с его дурной многозначностью. Многозначность есть миф. Значения – суть оказавшиеся смыслы, конвенционализированные многократным повторением «эксплуатации»²⁹ концепта, между которыми традиционная инвентарная лексикография сплошь и рядом не улавливает связи и которые подает крайне неполно и неточно.

Разбором этого примера мы и завершим наше введение. За ним следуют четыре главы, о содержании которых читатель уже получил некоторое представление и может дополнительно узнать из общего оглавления и более подробной рубрикации к отдельным главам и большим разделам.

---

²⁸ «Логика» этого концепта вероятно неочевидна даже для носителей языка, в силу чего встречается немало пограничных – т.е. едва ли допустимых – высказываний с *låtsas om* в неотрицательных контекстах. Иными словами, наш пример имел бы следующий вид: ^{??} *Han låtsas om att han är sjuk*, т.е. ≈ 'он болен и (всячески?) изображает из себя больного' – утверждение того, что не нуждается в утверждении. (Разбором этого употребления мы обязаны Перу Амброзиани, личн. сообщ.).

²⁹ *Exploitations*, термин Патрика Хэнкса [Hanks 2001], см. тж. с. 301.

поэтому *безграничен*, как, впрочем, и такие состояния как *ярость* или *любовь*. Поэтому из него нельзя *выйти*. *Оцепенение*, напротив, есть статичное состояние, имеющее начало и конец и, следовательно, границы. Поэтому в него можно *впасть* и из него можно *выйти*.

Особенно интересен пример d). В одной из возможных интерпретаций он апеллирует к значению 4. в перечне Ю. Апресяна: 'кончиться, быть израсходованным'. Другая интерпретация – так говорят с раздражением о человеке, которого здесь больше нет, и хорошо, что нет ('а *ну его*') – в его список не укладывается. *Весь вышел* – значит 'целиком и без остатка удалился за пределы ближней области говорящего, к которой до этого принадлежал', и это употребление, обычно помещаемое за ромбом словарной статьи в качестве идиомы, находит свое мотивированное место. Подобно тому, как находит его и такая, например, идиома, как *выйти боком* – то есть 'не тем путем, каким надо', что, разумеется, неблагоприятно для субъекта.

Все эти вариации смыслов, обслуживаемых глаголом *выйти*, не могут, конечно, быть учтены инвентарной ведомостью значений, вне зависимости от степени ее дискретности. Но они могут быть мотивированы варьированием концепта по функциональным параметрам, то есть таким, которые значимы для говорящего и фокусируются им в зависимости от его смысловой установки. Это могут быть тип исходного пространства и пункта назначения, природа субъекта, характер перемещения, салиентность или, наоборот, невыделенность начальной и конечной точек. Вместе с тем о топологической схеме концепта можно сказать, что она при этом деформируется, – и притом в весьма широких пределах: вплоть до *выходить окнами в переулок*, где движение является абстрактным¹¹¹, или *выйти в люди*, где движение осуществляется в метафорическом социальном пространстве, – но сохраняет неизменной конфигурацию своих компонентов.

7. Критика двуязычного словаря: *неузнаваемость леммы – неразличение сходных концептов – непродуктивность*

Уже и того, что сказано, достаточно, чтобы отвергнуть идею перевода толкового словаря как несостоятельную. Однако круг возражений куда шире. Мы остановимся еще на трех проблемах, особенно важных в перспективе двуязычной лексикографии. *Во-первых*, полная неспособность семантики инвентарных списков сохранить единство слова и описать его в этом качестве, делает чужое слово неузнаваемым. Между тем, создание у пользователя целостного образа чужого слова должно считаться первостепенной функцией двуязычного словаря. *Во-вторых*, и по тем же причинам, такая

---

¹¹¹ *Abstract motion*, термин, введенный Р. Лангакером для того, во-первых, чтобы понятие траектории, движущегося локализуемого объекта, можно было сохранить в чисто формальном плане и для «статичных» случаев, и, во-вторых, чтобы обозначить «снятую» динамику, результат предшествующего движения. Говорящий как бы мысленно прослеживает или проходит путь, траекторию локализуемых объектов. См. [Langacker 2002].

лексикография не различает синонимов или, иными словами, традиционный толковый словарь представляет собой собрание вульгарных порочных кругов, от которых не спасает никакой метаязык: возможность отнесения разных слов к референциальному тождественным ситуациям заставляет представлять их как синонимы и, в конечном счете, определять одно через другое. *В-третьих*, двуязычный словарь, чьей основой является объективистское понимание значения, негенеративен, не обладает порождающей силой с точки зрения задач перевода.

Проиллюстрируем сначала сказанное выше о неузнаваемости чужого слова. Существительное *tenor* представлено в НБАРСе семью значениями первое из которых семантизируется как «1. направление; развитие; движение», четвертое – «4. текст документа», а седьмое «7. горн. содержание (руды)». Вот эта статья:

(3.22) **tenor**¹ *n* (обыкн. the tenor)

1. направление; развитие; движение
the even tenor of life – спокойное течение /размеренный ход/ жизни
2. смысл, содержание
tenor of a speech – смысл речи
the full tenor of his words – подлинный смысл его слов
according to the tenor of the charter – в соответствии с духом устава
in keeping with the tenor of the entire novel – в соответствии с содержанием /сутью/ всего романа
3. 1) качество, характер; состояние; образ, уклад
of the same tenor – однотипный
2) редк. склад ума
4. 1) текст документа
2) копия, дубликат
5. достоинство банкноты
6. срок действия ценной бумаги или чека
7. горн. содержание (руды)

Понятно, что «схватить» единство слова, которое к тому же еще и разбито на омонимы («музыкальный» смысл дан как самостоятельная лемма, *tenor*² – чего, кстати, не делает ни один из больших английских толковых словарей), в такой подаче пользователь не сможет, «радость узнаванья» не состоится. Между тем, учебный однозычный словарь английского языка, OALD, все же стремится удержать лексему от распада, предлагая дефиницию концепта: ”3. the tenor of sth (*formal*) the general character or meaning of sth.” – 'общий характер или смысл чего-л.'¹¹². Можно спорить о том, насколько удачно это толкование, но не вызывает сомнений, что оно необходимо для правильной ориентации пользователя, и что задачи двуязычной лексикографии тоже этого требуют.

Не эксплицируя «идею слова», его устойчивое концептуальное ядро, – то есть выбираемое говорящим вместе с этим словом когнитивное отношение к миру, – словарь предлагает вместо этого фикции: уравнивает то, что

---

¹¹² Только на третьем месте, поскольку первые два отданы музыкальным значениям.

всего лишь сходно в каких-то отношениях, на узких и частных участках смысла. Во всех остальных употреблениях лемма оказывается непроницаемой и непереводимой. Представление слова совершенно неинтуитивно. Понятно, что учебной функции такой словарь тоже не выполняет.

Довольно трудно узнаваемы в традиционных словарях такие, несколько книжные, английские слова, как, например:

(3.23) **felicitous** *a*

1. *книжн.* удачный; подходящий, уместный
felicitous remark – удачное /уместное/ замечание
to have a felicitous style of writing – писать легко и изящно
2. приятный
3. *арх.* счастливый; приносящий удачу; удачливый

из того же словаря. Для понимания прагмасемантического потенциала такого слова необходим когнитивно внятный эквивалент, которого словари не дают. Не справляются с этим словом даже OALD и Webster's. Последний, однако, упорно возводя каждое «значение» (коих он насчитывает целых 6! ¹¹³) к этимологии, пытается придать ему единство внутренней формы. В англо-русском словаре следовало бы, по-видимому, прибегнуть к «креативной» семантизации, соединив основные семы на манер античных эпитетов Жуковского: 'счастливо-удачный'. В НБАРСе этот первый компонент вообще выпал, хотя выражения вроде *счастливое замечание* по-прежнему вполне в духе русского языка. Они были куда более частотны в 19 в., а у Пушкина встречаются даже оксиморонные сращения, как, например, обращенное к Каверину *твои счастливые грехи*. Создание образа слова в ряде случаев может и должно опираться на собственные интуиции носителя выходного языка.

Прилагательные в двуязычном словаре неузнаваемы особенно часто. Это связано с их семантикой, обычно очень широкой, что, при отсутствии установки на экспликацию концепта, ведет к крайне дробной подаче. Вот один пример такой семантической аберрации, вызванной приписыванием лемме всех мыслимых вариантов перевода в качестве «значений». В предисловии к *Дополнению* к предыдущему изданию БАРСа читаем:

- (3.24) «Когда видишь, как по-разному можно передать на русском языке значение английского слова **absolute** в связи с его сочетаемостью, то невольно задумываешься, а не являются ли русские эквиваленты теми подзначениями, которые *absolute* приобретает в процессе его сочетаемости с другими словами?» [Гальперин 1980].

От читателя не укроется, как близок здесь автор в своих рассуждениях к представителям школы «переводного значения». Затем в доказательство этого своего предположения он приводит ряд коллокаций с этим словом:

---

¹¹³ Речь идет о Webster's II. В В3 число значений сокращено до двух!

- (3.25) **absolute indifference** – полное безразличие
absolute beauty – совершенная красота
absolute promise – твердое обещание
absolute majority – абсолютное большинство
absolute trust – полное /абсолютное/ доверие
absolute control – неограниченный контроль
absolute alcohol – чистый спирт
absolute fact – действительный факт
absolute proof – несомненное доказательство

Вот так: сколько разных эквивалентов – столько и значений! Идеи братиславской школы, доведенные до абсурда. Но почему же в таком случае ограничиваться только перечисленными «значениями». Ведь для тех же коллокаций в русском языке могут быть и другие идиоматичные эквиваленты: *нерушимое обещание*; *полный, безраздельный контроль*; *беспримесный спирт*; *неопровергимый, несомненный факт*; *неопровергимое доказательство*. Кроме того, есть же и другие коллокации с этим словом – требующие иных переводов: **absolute jerk** *круглый дурак*, *полный, законченный идиот, кретин*; **absolute obedience** *беспрекословное, слепое повиновение*; **absolute certainty** *непоколебимая уверенность* и т.д. *ad infinitum*

В действительности же при этом демонстрируются особенности сочетаемости выходного – в данном случае, русского – языка, а вовсе не семантика входного слова. Последняя как раз остается неизменной во всех этих случаях:

- (3.26) '≈ обладающий каким-либо свойством в максимально возможной полноте'

и у него – одно лишь это значение и, по-видимому, лишь один «эквивалент» в русском языке: *абсолютный*. Это – редкий случай почти полного совпадения сфер употребления слов двух языков, которые, следовательно, взаимно переводят друг друга чуть ли не во всех мыслимых контекстах. Поэтому его разработка принципиально могла бы ограничиться этим эквивалентом и приведенной выше концептуальной формулой. Однако принцип генеративности двуязычного словаря, как мы это уже видели на примере слова *фигура*, чей шведский эквивалент обнаруживает почти полное концептуальное совпадение с русским словом, требует более подробной разработки: ветвления¹¹⁴ главного эквивалента на уровне основных групп употреблений, где и происходит фокусировка – частные реализации – концепта¹¹⁵.

¹¹⁴ *Fanning out* [Neubert 1990].

¹¹⁵ Мы приводим пример разработки для шведско-русского словаря. Шведский концепт ABSOLUT несколько дальше отстоит от своего русского когната, чем английский, в силу чего показ такой статьи интересней с лексикографической точки зрения. Кавычки вокруг перевода 'абсолютный' в заголовке статьи говорят, что речь идет о «значении», а не об эквиваленте, подставим во всех случаях. Например, по-русски *абсолютное искусство* хотя и вполне возможно, имеет какие-то достаточно жесткие ограничения на сферу употребления; то же относится и к выражению *абсолютный спирт*, употребляемому только в техническом контексте. По существу и в таком, казалось бы, беспроблемном случае, как слово международной лексики, обладающее по видимости одинаковой концептуальной структурой в разных языках,

- (3.27) **absolut**¹ [*прил., =, -а*] 'абсолютный'
 'обладающий каким-либо свойством в максимально возможной полноте'
 a) <всесоюзный, безотносительный, безусловный>
 ~ **konst** чистое искусство; ~ **förutsättning** необходимая предпосылка;
спец. ~ **temperatur** физ. термодинамическая [абсолютная] температура;
 ~ **belopp** абсолютная величина;
 b) <обладающий предельной полнотой какого-л. свойства>
 ~ **fördel** эк. абсолютное преимущество; ~ **majoritet** [*röstövervikt*] абсолютное большинство; ~ **äganderätt** юр. безупречный или бесспорный правовой титул; ~ **gehör** абсолютный слух; ~ **monarki** абсолютная или неограниченная монархия; ~ **okunnighet** совершенное или полное невежество; ~ **auktoritet** непрекаемый авторитет; ~ **alkohol** чистый или беспримесный спирт; ~ **sanning** чистая правда; **i stadens ~a centrum** в самом центре города

В том же НБАРСе у прилагательного *fine* выделен десяток «значений», среди которых: 5. *чистый, очищенный* [о веществах]; 7. *нарядный, блестящий* [об одежде] и т.д. С равным основанием в этот список можно было бы добавить: 123. *вкусный* [о пище]; 124. *крепкий, хорошо сложенный* [о лошадях, атлетах] и т.д. Кстати Webster's II, 1983, именно так и поступает! *Cp. 13. trained and developed physically to maximum ability: said of athletes, horses, etc.*¹¹⁶

От пролиферации значений, являющейся неизбежным следствием инвентарно-семантической лексикографии, страдают не только статьи имен прилагательных. Впрочем, мы видели (на примере прилагательного *absolute*), что к такому же результату может привести и метод поэквивалентного членения. Вот пример статьи имени существительного:

- (3.28) **island** *n*
1. остров
 small island – островок
 to live on an island – жить на острове
  2. зона, район
 safety /traffic, street/ island – «островок безопасности» (для пешеходов – при переходе улицы)
 island of resistance – воен. очаг сопротивления
  3. *анат.* обособленная группа клеток
 island of Langerhans – панкреатический островок, островок Лангерганса
 island of Reil – центральная доля, островок Рейля
  4. *мор.* надстройка (на авианосце)

И здесь мы сталкиваемся все с тем же неконтролируемым ростом числа значений, вызываемым разными причинами: в принципе ничем не ограничиваемой семантической дискретизацией (болезнь «толковости») либо приписыванием лемме всех мыслимых вариантов перевода в качестве ее собственных значений.

ках, необходим полноценный анализ концептов, мотивирующий особенности сочетаемости и реального употребления.

¹¹⁶ В Webster's III внесены некоторые улучшения за счет резкого сокращения числа «значений».

Слова *зона*, *район*, *надстройка* конечно же не являются «значениями» слова **island** – это именно варианты перевода, частные и частичные эквиваленты, передающие некоторые из многочисленных возможных смыслов этого слова во втором из двух нынешних «кругов» употребления: 'что-либо напоминающее остров своим изолированным, окруженным положением'. (Впрочем, сугубо технические – то есть терминологические – употребления, вероятно, имеет смысл выделять в отдельную группу для удобства пользования).

Ничуть не лучше обстоит дело и с глаголами. Протестуя против планов войны в Ираке (февраль 2003 г.) британские пацифисты демонстрировали под транспарантом: *Make tea, not war!* – travestия другого, общеизвестного лозунга, родившегося во времена хиппи и протестов против войны во Вьетнаме. Лозунг немедленно перевели на русский, и весьма изобретательно: *Заваривайте чай, а не войну!*

Значит ли это, что у английского глагола *make* есть значение 'заваривать'? Нет, конечно. Переводу в этом случае подлежало то общее, что позволяет глаголу *make* грамматически правильно и вместе с тем содержательно интересным образом сочетаться с обоими существительными: *tea* и *war*. Это общее – способность идиоматично сочетаться с соответствующими русскими словами – в русском языке нашлось как раз у глагола *заваривать*.

Эта сочетаемость *make* с данными конкретными словами никак не входит в словарное описание глагола: она реализуется как несущая смысловую нагрузку именно и только в этом обыгрывании старого, но вновь актуализированного лозунга. Обыгрывание – необходимый момент этого смыслового целого – сохранено и в русском переводе, хотя и не как проекция на старый лозунг (его, пожалуй нет в языковом сознании русских), а как со-положение прямого и переносного употреблений глагола *заваривать*.

Перевод не есть перевод значения. Он есть передача смысла. Этот последний, разумеется включает в себя и «значение», но лишь в его концептуальном качестве: '≈ делать так, чтобы что-л. имело место'. Никаких других значений у глагола *make* нет, что бы ни утверждал НБАРС, насчитывающий их целых 37 [например, *сожительствовать!* – но тогда почему бы и не *заваривать?* или *заниматься?* (любовью)], не считая еще тех, которые ему приписаны в качестве глагола-связки. Что же до экспликации концепта в какой бы то ни было форме, то она там отсутствует. Это возвращает нас к вопросу о неузнаваемости леммы в традиционном словаре.

(3.29) **pedestrian a**

1. *пеший, пешеходный*

- pedestrian tour – пешеходная прогулка, туристический поход
- pedestrian control – регулирование пешеходного движения
- pedestrian crossing – пешеходный переход
- pedestrian island – «островок безопасности» (для пешеходов)

pedestrian precinct – район, по которому движение транспорта запрещено
pedestrian underpass – тоннель для пешеходов, подземный переход

2. 1) *прозаический, скучный*
verse of pedestrian order – скучные /невыразительные/ стихи
pedestrian muse – прозаическая /бескрылая/ муз
2) *обычный*
pedestrian student – средний студент
◆ pedestrian statue – скульптура стоящего человека

Вот еще одно прилагательное из НБАРСа, внутренняя форма которого распалась. Связь между «пешеходный» и «прозаический» едва ли ощутима как живая и мотивированная. Конечно, в русском языке есть идиома *пешком не ходят* в значении 'не такой, как серая масса', которую можно было бы употребить при экспликации английского слова для связывания основного значения 'пеший' со значением 'простой, ничем не выделяющийся'. Однако это привнесло бы совершенно чуждый нейтральному английскому слову функционально-стилистический оттенок (*жарг.*). Такое не вполне корректное связывание едва ли оправдано, но то, что единство ЛЕ должно быть поддержано лексикографом – не подлежит сомнению. Это необходимо также для того, чтобы мотивировать фразеологизм, вынесенный за ромб. Сделать это, разумеется, нельзя, без противопоставления *пеший – конный, являющегося*, как можно думать, частью идеи этого слова, но совершенно упущенного в приведенном словарном описании.

Еще трудней сложить целостное представление о слове в такой подаче:

(3.30) *vehement a*

1. 1) сильный; страстный, горячий
vehement desire – страстное желание
vehement patriotism – горячий патриотизм
vehement suspicion – сильное подозрение
vehement speaker – темпераментный оратор
vehement wind – ураганный ветер; буря
vehement pains – острые боли
vehement love – безумная любовь
vehement protestations of gratitude – горячие выражения благодарности
- 2) неистовый; яростный; безумный, бешеный
vehement rage – бешеный гнев
vehement protest – бурный протест
vehement strife – ожесточённая борьба
vehement prejudice – воинствующее предубеждение
vehement onset – бешеный натиск
vehement debate – ожесточённые споры
vehement language – несдержанность в высказываниях, резкие выражения
man of vehement character – человек с бешеным нравом
2. резкий, (слишком) интенсивный (*о цвете, запахе*)
vehement reds – режущие глаз оттенки красного цвета

Составитель предлагает две группы «эквивалентов», но ни внутренняя форма этого слова, ни его семантическое единство не схватываются пользователем, поскольку его концепт не обозначен, а даны лишь многочисленные употребления, из которых трудно сделать заключение об истинной природе этого слова. Нанизывание квазисинонимов проблемы не решает, лишь размывает представление о возможной сочетаемости этого прилагательного. И в этом случае даже приблизительная формула концепта лучше, чем полное растворение слова в его проекциях на язык выхода, например, такая:

- (3.31) 'характеризуемый несдержаным, неумеренным проявлением чувств, особенно гнева, разрушительной энергии, большой силы'

Представляется, что именно элемент 'несдержанность, неумеренность' важен для схватывания концепта VENEMENT. Во всяком случае, какое-либо членение на значения не может считаться удовлетворительным, если в его основе не лежит экспликация концептуальной структуры слова.

Завершим тему неузнавания чужого слова еще одним примером, на сей раз, глагольным:

- (3.32) **imbue** *v*

1. 1) насыщать, пропитывать, напитывать
  - 2) окрашивать (ткань, изделие и т. п.)
fabric imbued with colour – густоокрашенная ткань
2. (with) вдохновлять; вселять, наполнять
to imbue the minds of youth with patriotism – воспитывать у молодёжи любовь к родине
to be imbued with prejudices – быть полным предрассудков
imbued with a sense of duty – побуждаемый чувством долга

И в этом случае составитель не достигает «эффекта узнавания». Потому 'насыщать' и 'вдохновлять' оказались значениями одного слова, остается неясным. Из-за отсутствия объединительного толкования возникает также и необязательность примеров/переводов, например, последний. Здесь *imbued* пожалуй следовало бы переводить как *(pre)исполненный*, а не *побуждаемый*, именно для того, чтобы сохранить представление о внутренней форме слова, не совершая при этом насилия над языком выхода. В этом случае на создание верного представления о концепте работает этимология, которая у этого глагола ощутима и в синхронии: лат. *imbuere* to dye, wet, moisten. В таких случаях показ этимологии нередко является эффективным приемом создания образа слова.

* * *

Обратимся теперь к порочным кругам и неразличению синонимов. Языковые единицы, способные к употреблению в референциально сходных условиях и, тем самым, обнаруживающие одинаковые значения, одинаково толкуются в одноязычных и одинаково переводятся в двуязычных словарях, хотя их концепты могут существенно отличаться. Иначе говоря, не находя

отличий в терминах объективистской семантики, лексикография – и это равно относится к обеим рассмотренным школам – не улавливает концептуального различия между синонимами или, во всяком случае, не обладает достаточной избирательностью.

В Большом толковом словаре русского языка слово *мерзавец* толкуется как 'подлый человек, негодяй'; *негодяй* – 'подлый, низкий человек'; *подлый* – 'низкий, бесчестный', а *подлец* – 'подлый, низкий, бесчестный человек, негодяй'. Да, вот еще *своловочь*. Читатель уже догадался: это 'скверный, подлый человек, негодяй'. Кажется, мы упустили еще одно слово из этого ряда: *подонок*. Хотите знать, кого так называют? Ну, конечно: 'низкий, подлый человек, подлец, мерзавец'. Есть от чего прийти в смятение. Круг замкнулся, остался вопрос: отчего это русский язык столь расточителен? зачем в языке столько неотличимых названий для одного и того же?

То, что не различается в толковом словаре, становится еще менее узнаваемым в словаре двуязычном: если носителю русского языка интуитивно еще ясны какие-то оттенки, то для иноязычного пользователя словаря проблема различения абсолютно непреодолима. Недифференцируемая синонимия слева умножается нанизыванием квазисинонимов справа. Это может принимать такой вид (примеры заимствованы из русско-английского словаря Abbyy Lingvo):

- (3.33) **мерзавец** rascal, villain, scoundrel, blackguard
негодяй scoundrel, rascal
подлец scoundrel, rascal, villain
своловочь rabble, riffraff; rascal, scum, swine
подонок geek, scumbag

Приведенный пример – лишь один из множества проявлений симптомов семантического объективизма, пронизывающих весь словарь. Проблеме порочных кругов в лексикографии посвящена обширная литература. В частности, резкая критика словаря с позиций неприятия круговых определений в толкованиях слов содержится в уже упоминавшейся статье А. Вежбицкой *What are the uses of theoretical lexicography?*, в которой этой проблеме посвящен большой и убедительно иллюстрированный раздел. Однако пафос этой критики связан с редукционистским методом возглавляемой А. Вежбицкой школы NSM (естественного семантического метаязыка): порочных кругов можно избежать, сведя каждое толкование к неразложимым атомам смысла, семантическим примитивам. По существу это механистическая, в конечном счете, философия языка, не менее объективистская в своих основаниях, чем те лексикографические теории, о которых шла речь выше, и доводящая до абсурда принцип композициональности, господствующий в лексической семантике.

«Сложные» концепты не складываются из «простых», а существуют еще и как не разложимые без остатка сущности, то есть имеют символическую природу. Этот остаток есть антропоцентристическая привязка концепта, его функциональная составляющая, то единственное, ради чего он ну-

жен, и именно ее необходимо эксплицировать, чтобы сделать возможным различие близких синонимов. Семантическая редукция этого не достигает.

Так, например, данная Ю. Апресяном дефиниция глагола *начаться*:

- (3.34) *X начался в T_j* = 'В момент T_i X не существовал, и в момент T_j X существовал, и T_j позже T_i' (слова *момент*, *позже* и *предшествует* подвергаются дальнейшему разложению) [Апресян 1974:75]

приложима и к *возникнуть* и даже к *появиться* в таких, например, употреблениях, как *Телефон появился в конце 19 века*. Причина неразличения – установка на описание референциальных условий употребления слова, а не того, в границах какого концепта реализуется его прагмасемантический потенциал. Складывание из кубиков дает одинаковые описания референциально тождественных языковых единиц.

Исследуя концепты языковых единиц, мы не слишком озабочены сведением описания всех компонентов концепта к семантическим примитивам. Круги возникают не потому, что толкования не сведены к неопределляемым кирпичикам значения, а потому, что в них не различаются родственные концепты или концепты-когнатаы. Для этого нет нужды в метаязыке готовых смыслов: естественный язык вполне для этого пригоден. Различение синонимов и избавление от порочных кругов никак не связано с семантической редукцией.

Разумеется, вульгарные круги в толкованиях есть зло, от которого необходимо избавляться. Однако – отнюдь не путем совершенствования толкований. Концепт имеет иную природу: он непропозиционален и не может быть задан толкованием-пропозицией, определяющей некоторые необходимые и достаточные условия, которые нужно было бы однозначно представлять при помощи семантических примитивов. Это – схема, представляющая собой набор компонентов ментальной презентации фрагмента социализированного опыта, символизируемого данной языковой единицей. В этом своем качестве он подобен игровой площадке: он лишь задает связанное с этой единицей поле прагмасемантических возможностей, на котором проходит разыгрывание смыслов между говорящим и слушающим¹¹⁷.

Существует и другой подход к проблеме порочных кругов. Согласно этому подходу такие круги не есть зло. Напротив, они задают семантические отношения на множестве слов, относящихся к некоторой референциальной области, то есть именно те когнитивные рамки, в которых только и может осуществляться языковое мышление. Вероятно, виднейшим представителем этой точки зрения следует считать У. Вайнрайха:

- (3.35) «[С]емантическое описание должно быть направлено не на выработку "абсолютных" толкований, а таких дефиниций, которые отличали бы

---

¹¹⁷ В лексикографической литературе можно встретить сходное понимание природы лексической единицы, мотивированное задачами практической словарной работы. Таково, например, понятие *meaning potential* в работах П. Хэнкса.

значение одной ЛЕ от сходных с ним значений других ЛЕ (синонимов). Возникающие при этом круги следует открыто принять, не как зло, а как руководящий принцип лексикографии» [Weinreich 1962].

В этом утверждении нетрудно распознать соцзоровские «чистые отношения», значимости (*valeur*). Однако, с поправкой на структуралистский пафос эпохи, когда это писалось, Вайнрайх несомненно прав: различать следует концепты, а не денотаты. Проблема лишь в том, что природа концепта остается у него понятийной. Значением лексемы признается набор условий ее применимости («*set of conditions which must be fulfilled if the term is to denote*»). Интересна, впрочем, и дальновидна оговорка: условия денотации критериальны (то есть необходимы и достаточны) не сами по себе, а лишь в том случае, если они таковы для носителя языка. С этой оговоркой подход Вайнрайха приобретает очень современное звучание и, что особенно важно, придает теоретический статус проблеме семантических полей, лексикографических типов (термин Ю. Апресяна) и т.п., связанной с необходимостью связного и систематического показа лексики в словарях.

Близкие к этому соображения высказывает И. Шатуновский, которого имеет смысл процитировать подробно:

- (3.36) «Любое слово, даже с самым элементарным значением (как, например, *быть, иметь* и т.д.), входит в систему языка, занимая в ней определенное место и выполняя определенную роль; соответственно, указав это место и эту роль, мы тем самым дадим "определение" этого слова.

При этом в целостном описании возникнут "логические круги" в определениях, что часто рассматривается как его принципиальный дефект [Апресян 1966, 260; 1974, 95]. Логический круг в описании, однако, не только неизбежен (как недостаток, с которым нужно примириться), но и необходим (как достоинство, которое придает описанию законченность и совершенство) Это с логической ясностью вытекает из того факта, что описывается система, т.е. совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Мы не закончим описания (и объяснения), пока не "замкнем" круг; пока нет "круга", наша задача не выполнена, система не описана, элементы не связаны, не "увязаны" друг с другом. Как бы подробно мы ни описывали внешний вид и расположение уха, толкование останется принципиально неполным, пока мы не укажем, что это орган, которым слышат. Но, с другой стороны, и определение *слышать* не будет законченным, пока не отмечено, что слышат – ухом. [...] Другое дело, что нам нужно избегать "короткого замыкания", когда "круг" замыкается накоротке, нехватив все входящие в систему элементы (или хотя бы их значительную часть)» [Шатуновский 1996:13; разрядка всюду авторская].

Еще раз оговоримся: хотя круги и неизбежны и даже необходимы, проблема состоит не в том, что некое референциальное поле охвачено с недостаточной полнотой. Как раз таких, по существу вульгарных, кругов следует избегать. Но возникают они не потому, что в качестве метаязыка описания используется естественный язык – совпадающий с языком-объектом, как это имеет место в толковых словарях, или с языком выхода, как в словарях двуязычных, – а потому, что он вообще используется как метаязык и описываются на нем денотаты, а не концепты.

В заключение этой темы обратимся еще к одному примеру. Глаголы русского языка *тушить* и *гасить* признаются точными синонимами [Апресян 1995: 224]. В толковом словаре *гасить* определяется как 'прекращать горение, свечение; тушить', а *тушить* как 'прекращать горение чего-л., гасить'. Соответственно не различают их и двуязычные словари: все русско-английские словари предлагают *put out, extinguish* в качестве основных эквивалентов к ним обоим. Та же картина в русско-шведском словаре: *гасить* = *тушить* = *släcka* и в русско-норвежском: *slokke* в обоих случаях.

В самом деле, можно привести сколько угодно примеров, в которых *тушить* безболезненно заменяется на *гасить* без какого-либо ощутимого изменения смысла или регистра: *тушить/гасить пожар, свечу, костер, фонарь* и т.д. Нетрудно указать и примеры, в которых допускается только *гасить*:

(3.37) *гасить* / * *тушить*

- задолженность
- колебания
- марки
- известь
- надежды
- мяч
- парашют
- скандал

Во всех таких употреблениях *гасить* выступает, однако, в несобственном значении. Отсюда легко заключить, что как раз в собственном, основном значении эти два слова и в самом деле являются точными синонимами. Такое заключение будет ошибочным. Хотя бы потому, что в высказываниях вида:

(3.38) Манеж *тушили* 70 пожарных расчетов.

замена глаголом *гасить* невозможна: * *Манеж гасили 70 пожарных расчетов*. Могут возразить, что основное значение, общее этим двум глаголам, здесь метонимически сдвинуто: гасили не Манеж, а пожар в Манеже. Однако замена *тушить* на *гасить* представляется неудачной и в варианте *Пожар *тушили* 70 расчетов*: ?? Пожар *гасили* 70 расчетов. Обращение к корпусу показывает, что пожар обычно **тушат** (в 94% случаев), а, например, керосинку – **гасят**.

Толкования, апеллирующие к референциальным условиям употребления этих глаголов не могут объяснить эти факты. Различие между глаголами *тушить* и *гасить* лежит в плане концептуализации. Хотя оба описывают ситуацию с одними и теми же условиями истинности, положение говорящего по отношению к этой ситуации у них различно. 'Тушить' – это процесс, охватывающий несколько фаз или стадий, тогда как 'гасить' фокусирует внимание говорящего на последней стадии этого процесса. Поэтому пожар тушат, а не гасят. И по этой же причине мясо или овощи можно тушить, но не гасить, а марки – гасить, но не тушить.

Разумеется, существует и обширная область пересечения, нейтрализации концептов – все те случаи, когда такая концептуализация несущественна, например, когда весь процесс «тушения» краток и не воспринимается как многофазный, хотя бы в действительности он и состоял из нескольких различимых стадий. Поэтому свет, лампу, свечу можно и гасить, и тушить, хотя и здесь у языка есть свои предпочтения: свет все же чаще гасят, а свечу – одинаково часто и гасят, и тушат. Последнее связано, видимо, с тем, что гашение свечи, так сказать, менее технологично и легче концептуализируется как процесс, а не нажатие кнопки. Хороший словарь обязан учесть указанное концептуальное различие, сделать его понятным пользователю, и, исходя из этого, попытаться отыскать неодинаковые переводные эквиваленты.

Положение говорящего в языке вновь оказывается тем анкером, который составляет функциональную привязку концепта и позволяет выявить его специфику. Можно было бы привести пример и из совершенно другого участка лексического спектра. Конструкции высказываний *он работает на Севере* и **он работает на Юге* абсолютно тождественны, синонимичны. Тем не менее, второе высказывание неправильно. Подобным же образом, можно сказать *он работает на Дальнем Востоке*, но не ** он работает на Востоке*. Причина заключается в том, что предлог *на* предполагает не просто локализацию, а конкретную локализацию, то есть возможность по описанию найти предмет. При этом такая возможность очень тесно связана с pragматическими условиями высказывания. В силу этого предложение *Он отдыхает на Юге* совершенно нормально, причем *Юг* является конкретным локализатором: в сознании носителей русского языка это Крым или Кавказ.

* * *

Перейдем к проблеме негенеративности словаря, построенного на основе объективистской семантики. Отсутствие у него порождающей силы – это обратная сторона главного порока традиционной лексикографии, того, который мы назвали неузнаваемостью чужого слова. Инвентарные списки значений в словарях по большей части внутренне бессвязны, принципиально неполны, с одной стороны, и произвольны, с другой, и никак не обеспечивают пользователю словаря узнавание чужого слова как своего, а следовательно лишены генеративной или порождающей силы на стороне выхода (см. сс. 194-7).

В разделе 1.2 мы говорили о непереводимости в лингвофилософском аспекте, возникающей в силу концептуальной неизоморфности языков. В этом смысле она не ограничивается культурно-специфической лексикой, не имеющей референциальных аналогов в иноязычной культуре, а охватывает весь словарь. Самые обыденные слова в нем зачастую оказываются непереводимыми вне осознанной методологической установки на экспликацию концептов.

Именно с этим не справляется традиционный словарь. Он не может дать пользователю-переводчику точные когнитивные ориентиры относительно природы описываемых в нем лексических единиц и предложить эквиваленты, которые бы удовлетворительно отражали специфику различных реализаций концепта слова и находились бы в систематической соотнесенности со структурой левой части словарной статьи. Последнее в особенности важно, если словарь предназначен также и для активного пользователя, переводящего на чужой язык.

Повторим еще раз. Вместо внятной экспликации «идеи слова», его устойчивой концептуальной схемы, которая задает говорящему определенную модель когнитивного отношения к миру, словарь предлагает фикции: уравнивает то, что всего лишь сходно в каких-то отношениях, на узких и частных участках смысла. Во всех остальных употреблениях лемма оказывается непроницаемой и непереводимой. Не обеспечивая узнавания чужого слова, он не в состоянии обеспечить и сколько-нибудь уверенное и «безакцентное» порождение эквивалентного текста пользователем, так что последнему приходится довольствоваться лишь предусмотренными вариантами перевода некоторых частных значений. Перейдем к иллюстрациям:

- (3.39) **неточность** ж. [РШС]
1. bristande noggranhet, inexakthet;
  2. (ошибка) inexakthet, fel

Вот одно из таких слов. Ни один из предлагаемых эквивалентов не может (или может лишь с натяжкой) быть подставлен в перевод таких, например, фраз: *неточность выражения*; *гимнаст допустил неточность и оступился*. Истина состоит, по-видимому, в том, что в шведском языке нет однословного или фразеологизированного неоднословного выражения, которое передавало бы специфику русского концепта: идею минимального, едва ощутимого отклонения от нормы. В обратном переводе шведские эквиваленты скорее означают 'неаккуратность', 'недостаток точности', то есть нечто совершенно иное. Что касается п. 2, то слово *неточность* можно употребить в значении 'ошибка' разве что в качестве эвфемизма: *Вы допустили неточность*. Удачная экспликация концепта избавила бы шведского пользователя словаря от лексикографических фикций и много способствовала бы созданию у него верного представления об этом слове.

- (3.40) **лить** нсв. [РШС]
1. (жидкость) gjuta, slå, hälla; ~ воду в стакан slå /hälla/ vatten i ett gals;
  2. (сильно течь) strömma

Вот не менее «обыкновенный» русский глагол, подача которого, тем не менее, совершенно неудовлетворительна. Он не покрывается ни шведским *hälla*, ни *ösa* и никакой другой ЛЕ этого языка. Предлагаемые эквиваленты не находятся ни в каком систематическом соответствии со структурой концепта леммы и непригодны для перевода, например, следующих выражений: *дождь лил весь день* (здесь помогло бы *ösa ner*, но, разумеется,

в надлежащем соотнесении с левой частью); *нечего тут слезы лить* (нужно: *fälla* 'ронять', реже букв. *utgjuta*). «Непредумострительность» составителя прямо связана с концептуальной непроработанностью леммы.

Бывают слова с конкретной семантикой, не выражающие ничего культурно-специфического, но все же лишенные эквивалента в другом языке:

- (3.41) **ungdomsfylla** *s.*
= *подростковое пьянство* ?

столь же обычно в России, как и в Швеции, а вот русского эквивалента у этого слова нет: *подростковое пьянство* — скорее термин из лексикона социальных работников и милиции, чем принадлежность общего языка, у него в языке совсем другой жанровый статус. Вероятно, словарь должен это отражать.

- (3.42) **fame** *n* [НБАРС]
1. **слава, известность**
love of fame — тщеславие
to win fame — добиться известности; стать знаменитым
his fame as a poet was great — он был прославленным поэтом
  2. **репутация**
house of ill fame — публичный дом
woman of ill fame — проститутка
  3. **арх. молва, слух**
as the fame runs — как гласит молва

Еще одно всеми узнаваемое слово, не имеющее эквивалента ни в русском, ни в шведском. Так как у него нет вербализованного концептуального соответствия в русском языке, а экспликации концепта в какой-либо форме словарь не содержит, это затрудняет работу пользователя: правильно «вычислить» чужое слово он может только по примерам в тексте словаря. Лексикограф перекладывает свою работу на пользователя. Он обязан был ввести прототипически верную семантизацию, может быть, что-то вроде 'состоение общеизвестности', либо псевдоостенсивное толкование наподобие тех, к которым часто прибегает Cobuild (например, наречие *bonkers* подается в нем так: 'If you say that someone is *bonkers*, you mean that they are silly or act in a crazy way'). Краткую формулу концепта для этого случая можно было извлечь и из хорошего словаря английского языка. Например, OALD предлагает 'the state of being known and talked about by many people' — формула, обеспечивающая, как кажется, связность всех трех типов употреблений в (3.42).

- (3.43) **omgång** *-en, ar* [ШРС]
1. период, оборот;
  2. игра, тур, раунд;
  3. смена (белья и т.п.)
- ♦ *en ~ till* еще раз

Это слово, выражающее в первом приближении идею 'одного раза' из множества циклически повторимых «разов», может переводиться на русский язык тысячей способов: *цикл, курс, (еще) раз, повтор(но), заход, круг (новый), по-новой, вновь*. В разных синтаксических моделях перевода могут, конечно, употребляться и разные части речи. Неудивительно, что его подача в традиционном словаре выглядит совершенно бессвязно. Некоторые из возможных частных вариантов – совершенно произвольно – выбраны составителем словаря. Истинного концептуального эквивалента у этого шведского слова в русском языке нет; ближе других к этому статусу, возможно, – *заход*, слово, которое, однако, дисквалифицируется в силу своей разговорной стилистики. В данном случае необходим тщательный анализ концепта и построение мотивированной сети; в противном случае неузнаваемость леммы, произвольность и «провальность» предлагаемой таксономии значений и полная негенеративность неизбежны.

Подобным комментарием можно сопроводить и следующий пример. Вместо экспликации концепта словарь предлагает более или менее произвольный набор «вариантов перевода»:

- (3.44) **mönst|er** –ret, = [ШРС]
1. образец, пример;
2. выкройка, патрон; макет; enligt ~ по выкройке, по макету;
3. узор; рита ~ рисовать узор; stenläggning i ~ узорная кладка (*кирпича, камня*)

... *рисунок, шаблон, тип, узор, образец, модель, картина, расклад* .... – число мыслимых вариантов перевода в различных употреблениях сколь угодно велико. Но истинногоprotoэквивалента, выражающего идею воспроизведимости, повторяемости частей внутри некоего целого или всего этого целого, у него по-русски нет (ср. англ. *pattern*). Из-за отсутствия как такого эквивалента, так и экспликации концепта, составитель не может предложить ничего, кроме случайного набора некоторых употреблений и некоторых вариантов перевода.

Разумеется, словарь, представляющий лемму в виде списка несвязанных между собой значений или перечня частичных и частных «переводных эквивалентов», не находящихся с этими значениями ни в каком систематическом соответствии, непродуктивен. Такой словарь то и дело оставляет пользователя на произвол судьбы: даже в тех случаях, когда чужое слово ему «вроде бы понятно», оказывается, что в перевод нечего подставить, а выбор какого-либо из предусмотренных «эквивалентов» порождает перевод «с акцентом». Например, как можно было бы перевести фразу *det går att finna ett mönster i händelseförloppet* при помощи статьи (3.44)? – 'в этом ходе событий можно обнаружить _?' [мы предоставляем читателю самостоятельно подставить в перевод какой-нибудь из предложенных в словаре эквивалентов].

Словарь сплошь и рядом не справляется с подачей «очевидных» по смыслу слов, для которых, тем не менее, не удается найти точных эквивалентов. Такое слово кажется пользователю узнаваемым, даже несмотря на его раздробленность в словарной статье, но его перевод как-то «не дается в руки» – потому что в действительности точной когнитивной ориентации словарь не дает, а случайные – хотя и мыслимые – варианты перевода вместо емкого, генеративного прототипа не создают у пользователя уверенности относительно конкретного употребления и не стимулируют его собственную порождающую способность.

(3.45) **tämligen** *adv.*

[ШРС]

довольно, порядочно

det är ~ långt dit туда довольно далеко; ~ ofta довольно часто

Tämligen begripligt, стало быть, = 'довольно понятно'? 'порядочно понятно'? 'весъма, вполне понятно'?

В перевод, как видим, подставить нечего. Приведенные частные варианты не схватывают той части семантики этого наречия, которая выражает предположительность, неполную уверенность, относительность: *вроде бы, как будто, как бы* и пр. Опять словарь, не интересующийся идеей слова, не может предложить пользователю ничего, кроме фикций.

(3.46) **порок** *-a, м.*

[НБАРС]

1. *flaw, defect; imperfection, blemish*

литейный п. *casting defect*; п. развития *developmental anomaly*; п. сердца *heart decease*; бедность не порок *poverty is no crime*

2. *vice*

ну, какой же ваш главный п.? *well, what's your biggest vice?*

Слово *порок* «напросилось» в примеры в ходе наших размышлений о пороках традиционных двуязычных словарей. Подходящее английское слово как-то не приходило на ум, и понадобилось обращение к словарю.

Словарь (в данном случае – 3-томный НБРАС) и все прочие русско-английские словари дает два «значения»: 1. '*flaw, defect*' и т.п. 2. '*vice*'. Ни то, ни другое явно не годится, так как первый смысл – слишком, так сказать, «техничен», тогда как речь у нас идет не об отдельных недостатках, не о дефектах, а второй неприменим к неодушевленной сущности.

Иными словами, у слова *порок* обнаруживается круг употреблений, не покрываемый ни одним из предлагаемых эквивалентов, а семантизации в обобщенном значении '*something essentially wrong*' в словарях нет. То, о чем мы здесь хотим сказать, это не *flaw* и не *defect*, и уж тем более не *vice*. Таким образом, русскоязычный пользователь не найдет искомого эквивалента, а носитель английского языка не узнает, что у русского слова есть такой круг употреблений. Искомый смысл проваливается сквозь дискретную сетьку частных и узких значений, которая никогда не может быть сделана достаточно плотной: речевые практики неисчерпаемы.

Итак, лемма в традиционном словаре остается раздробленной. Это в особенности относится к т.н. «словам широкой семантики» или «сильно-многозначным» лексическим единицам. На стороне входа такое слово может быть представлено десятками дискретных «значений», которые его все равно не исчерпывают, и лишено узнаваемости в качестве единой и **связной лексической категории**¹¹⁸, а на стороне выхода – столь же неисчислимым множеством «переводных эквивалентов» (среди которых зачастую не оказывается подходящего) – эквивалентов, никак не соотносимых между собой, беспорядочно перекрывающихся и не находящихся ни в каком систематическом соответствии со «значениями».

8. Понимание vs перевод: две разные установки

Рассматривая проблему негенеративности, отсутствия порождающей силы у традиционного словаря, необходимо обратить внимание на одно белое пятно в теории обеих противоборствующих школ в лексикографии: обслуживаемые двуязычным словарем функции понимания и перевода иноязычного текста ими не различаются – обе рассматриваются как некая единая функция словаря пассивного (рецептивного) типа. Ничто не может быть дальше от истины. Выше мы показали, что семантическое членение леммы по типам референциальной отнесенности, либо, в другой перспективе, по типам «переводных значений», понимаемых опять-таки вполне объективистки, не удовлетворяет задаче порождения эквивалентного текста на языке выхода.

До какой степени различаются установки на пассивное и продуктивное понимание (т.е. чтение на иностранном языке *vs* перевод на родной языке) можно проиллюстрировать следующим примером. Пассивный словарь для чтения (понимания), предназначенный носителю выходного языка, можно в принципе составить, не давая вообще никаких переводящих эквивалентов, то есть ограничиваясь лишь экспликацией концепта ЛЕ:

(3.47) **kränkande adj.**

'являющийся нарушением суверенитета, вторжением в частную жизнь или оскорбительным для личности нарушением правовых или моральных норм'

Опираясь на это определение и свое владение родным языком, пользователь сумеет, так сказать, словесно визуализировать для себя смысл исходного текста. Однако, желая перевести, а не только «понять», то есть представить эквивалентной фразой на русском языке, скажем, заголовок газетной статьи *Kräckande enkät i skolan* (перевод см. ниже), он не получит большой помощи от такого словаря, так как толкование само по себе нельзя подставить в перевод. Конечно, если оно дает достаточно точную и емкую когнитивную ориентацию, то есть обеспечивает пользователю надежную узнаваемость леммы, оно будет работать и на порождение. Однако хоро-

---

¹¹⁸ Ср. с понятием *natural category of senses* у Дж. Лакоффа, *lexical category* у А. Вежбицкой (Lakoff 1987, 418; Wierzbicka 1985; 1990).

ший словарь должен предусмотреть подставимые эквиваленты, соотносимые со структурой концепта леммы. Традиционный словарь, предлагающий переводы частных значений вместо концептуально емких и точных эквивалентов, этой функции не обеспечивает. Вот как выглядит соответствующее лексическое гнездо в ШРС:

(3.48) **kränka** *vt*²

1. оскорблять;
2. нарушать (*закон и т.п.*); ~ neutraliteten нарушить нейтралитет;
3. запятнать (*репутацию и т.п.*);
4. изнасиловать

kränkande *pa* оскорбительный

kränkning *-en, -ar*

1. оскорбление;
2. нарушение (*закон и т.п.*)

kränkt *pa* оскорбленный

По такому лексикографическому описанию нельзя ни понять «настоящей природы иностранного слова» (Л. Щерба), ни подобрать переводящий эквивалент с какой-либо степенью уверенности. Подача в целом ведет к ошибочному представлению о концепте, символизируемом шведским словом, а это препятствует уверенному порождению эквивалентного текста по-русски. Для этого пользователю необходим словарь, который с удовлетворительной точностью и наглядностью представляет «образ слова», его идею, и в котором реализована установка на перевод как на род деятельности пользователя, не тождественный пассивному пониманию. Такой словарь даст необходимые элементы для искомого синтеза: толкование, сохраняющее когнитивное единство лексической единицы, концептуально точные семантические ориентиры, частные эквиваленты, фокусирующие или ветвящие узловые концепты сети леммы, коллокаты и, возможно, примеры переводящих конструкций в случаях, когда употребление идентичного синтаксиса невозможно. Ниже показана скелетная схема такой словарной статьи:

(3.49) **kränkande** *adj.*

'грубо нарушающий суверенитет личности или другого субъекта права'

[часто передается конструкцией с гл. в 3-м лице: *такой, который нарушает, оскорбляет* и т.п.]

1. < *применительно к субъекту права* > (право)нарушающий, посягающий (на права или суверенитет), попирающий (права, неприкосновенность), вторгающийся (в частную жизнь);
2. < *применительно к достоинству личности* > оскорбительный, унизительный; беспардонный;
3. < *о противоправных действиях властей* > злоупотребляющий, злоупотребительный; противозаконный

Отметим, что перевод словом *оскорбительный*, который предлагает ШРС в качестве единственного эквивалента, получает в этой структуре свое скромное, частное и мотивированное место в одном из концептуальных

узлов – и только в нем. При помощи такой статьи пользователь без труда построит перевод приведенной выше шведской фразы: *Школьная анкета вторгается в частную жизнь*. В том же выпуске газеты (Dagens Nyheter), откуда заимствована эта фраза, находим еще и такой пример: *Domen mot Butt kränker kvinnor* – тоже с уверенностью переводимый при помощи (3.49): *Приговор Бутту оскорбляет достоинство женщин*.

* * *

Итак, функцию переводного, продуктивного словаря ни в коем случае не следует отождествлять с функцией «пассивного словаря». Уже одно это различие ставит, строго говоря, под сомнение традиционную словарную типологию. Можно привести еще сколько-угодно примеров «понятности» в сочетании с «непереводимостью», подобных тем, которые мы только что рассмотрели. У чужого слова вполне может не быть – и очень часто не оказывается – не то чтобы точного, но даже достаточно близкого вербализованного концептуального соответствия в языке выхода.

В этой связи представляет интерес следующий вопрос: каким образом у пользователя двуязычного словаря может возникать ощущение «понятности» чужого слова? Или, перенося его в план словарной типологии, почему «[д]ля говорения требуется существенно больший объем собственно языковых знаний, чем для понимания» [Апресян 1993]? Это – общепринятая точка зрения, однако в ее обоснование обычно приводятся лишь следующие аргументы: для активного пользования иностранным языком нужно знать, во-первых, предоставляемые им «средства выражения определенного смысла» (синонимику, возможности перефразирования), а, во-вторых, «нормы сочетания лексических единиц друг с другом» (то есть, в широком смысле слова, грамматику). Тогда как для понимания какого-либо слова в контексте «достаточно получить минимальную справку о его значении, но не о его комбинаторных возможностях и условиях употребления».

На наш взгляд, это не совсем верно. То понимание, которое может извлечь пользователь, обратившись к словарным значениям, в лучшем случае будет весьма приблизительным, а во многих – и мы это видели на ряде примеров – просто не может состояться. Экстремальный пример разработки пассивного словаря, составитель которого принимает эту идею за чистую монету, приводит Л. Згуста¹¹⁹ [Anglicko-český slovník, Praha 1956]:

(3.50) **slight**

tenký; štíhlý; mírný, nepatrny, nevelký; bezvýznamný, nezávážný; nevážnost, přezírání, podceňování, neúcta ...

---

¹¹⁹ Тоже не различающий функций понимания и перевода иностранного текста. Пассивный словарь обладает тремя функциями: 1. пособие для понимания иноязычного текста; 2. учебная (сообщение знаний о языке входа); 3. активная (перевод на чужой язык) [Zgusta 1971: 299-300]. Перевод на родной язык как специфическая и существенная, как *собственная* функция двуязычного словаря не выделяется.

Далее Згуста приводит приблизительный перевод чешских эквивалентов на английский, чтобы продемонстрировать, как сконструирована эта словарная статья:

[Eng.] *slight* [Czech] "thin; slender; moderate; immaterial, smallish; unimportant, insignificant; disregard, disrespect, underestimation, undervaluation ..."

Если у пользователя и может сложиться какой-то образ слова по данным пассивного словаря в рассматриваемом смысле этого термина, то, разумеется, не в этом варианте «пассивности», доведенной до абсурда, но лишь в том случае, если выделенные составителем значения окажутся хоть с какой-нибудь систематичностью соотносимы с истинным концептом этой лексической единицы.

«Понятность» чужого слова в пассивном словаре в значительной степени есть иллюзия. Если созданное им представление о слове и в самом деле на что-то пригодно – если двуязычный словарь выполняет какую-то полезную функцию – то это происходит не благодаря, а вопреки идеологии такого словаря. Происходит потому, что составитель сознательно или интуитивно «искажает» структуру входа, чтобы «сделать двуязычный словарь лучше», о чем, как мы помним, не без некоторого сожаления, упоминает Б.Т.С. Аткинс. Чужое слово «понятно» ровно настолько, насколько лексикографу, благодаря опыту и чуткости, позволяющим ему преодолевать неконгруэнтность двух языковых картин мира, удается передать концептуальную специфику слова, понимая, что именно оно отличается от так называемых синонимов, и именно от нее производны его многозначность и поведение в речи.

9. Статья *nu* для двуязычного словаря: "учебная" модель (unabridged)

Подведем предварительные итоги. Ни идея построения двуязычного словаря по образцу традиционного толкового, ни якобы противостоящая ей идея организации материала в двуязычном словаре в соответствии с «переводными значениями» не выдерживают критики.

Результат сходен в обоих случаях:

- словарь, в котором употребления леммы, отстоящие друг от друга на значительное концептуальное расстояние, не различаются, и, наоборот, употребления близкие, реализующие одну и ту же когнитивную схему, разносятся по разным блокам словарной статьи;
- словарь в котором чужое слово неузнаваемо и раздроблено на множество несвязных значений;
- словарь, не обладающий порождающей силой на стороне выхода, предлагающий случайные, частные и частичные «эквиваленты», не находящиеся в систематическом соответствии со «значениями»;
- словарь, в котором пролиферация значений затрудняет не только схватывание образа слова, но и отыскание нужного места в словарной статье;

- сочетаемость [21](#), [23](#), [33](#), [37](#), [52](#), [72](#), [76](#), [132](#), [149-54](#), [186-93](#), [191-2](#), [197-204](#), [211](#), [225](#), [242](#), [267](#), [284](#), [287](#), [293-99](#), [310-1](#), [312-16](#), [350](#), [358](#), [369](#), [372](#)
- мотивированность [23](#), [33](#), [150](#), [186](#), [192](#), [204](#), [267](#), [287](#), [294](#), [303](#); см. грамматическое поведение ЯЕ; словарь и грамматика
- союз [35](#), [36](#), [82](#), [86](#), [100](#), [105](#), [118](#), [121](#), [179](#), [256](#)
- СПП см. словарь для продуктивного понимания
- СПП и когнитивная морфология [235](#), [245](#), [253](#), [256](#), [285-7](#)
- СПП как естественный тезаурус [214-8](#), [233](#), [273-6](#), [289](#), [320-4](#), [327](#), [331-4](#), [337](#), [344](#), [353](#), [355](#); см. тжс. гиперструктура СПП; конструкторикон
- существительное, [7](#), [13](#), [35](#), [40-44](#), [52-4](#), [57-8](#), [65](#), [67](#), [70](#), [72](#), [76](#), [79](#), [84](#), [88](#), [108](#), [126](#), [151-2](#), [182](#), [187](#), [193](#), [195](#), [201](#), [208-9](#), [220-2](#), [226-7](#), [231](#), [240](#), [244-6](#), [263-6](#), [275](#), [284-7](#), [294-8](#), [301](#), [305](#), [308](#), [312](#), [314](#), [319-20](#), [323](#), [326](#), [329-32](#), [340](#), [343-4](#), [349](#), [354](#), [369](#); см. имена
- тезаурус [276](#), [320](#), [334-7](#); см. идеографический подход
- теория фразеологии в перспективе СПП [235](#), [289-317](#)
- тип употребления [39](#), [138-9](#), [190](#), [203-4](#), [226](#), [232](#), [238](#), [242](#); см. концептуальная сеть: узловые концепты
- типология концептов [16](#), [18](#), [25](#), [110](#), [194](#), [211](#), [220](#), [357-8](#)
- типология нелинейности [206](#), [214](#)
- толкование [14](#), [20](#), [41](#), [56-7](#), [75](#), [99](#), [131](#), [138](#), [145-8](#), [154-7](#), [161](#), [164-5](#), [168](#), [180](#), [196-203](#), [207](#), [275](#), [277](#), [324-7](#); см. тжс. подставимость в СПП [75](#)
- сентенциальное [199](#), [211](#), [272](#)
- требование эндоцентричности [199-203](#), [211](#), [336](#), [338](#)
- толковый словарь [22](#), [29](#), [32](#), [35](#), [37](#), [44](#), [53-4](#), [59](#), [68](#), [75](#), [82](#), [127-34](#), [138-42](#), [143-151](#), [155-8](#), [167-8](#), [178](#), [181-5](#), [203](#), [206](#), [224](#), [228](#), [269](#), [277](#), [282](#), [286](#), [305](#), [309](#), [350](#)
- болезнь толковости [151](#)
- немотивированность ФЕ и их размещения [23](#), [40](#), [58-9](#), [118](#), [140](#), [147](#), [168](#), [180](#), [192](#), [235](#), [237](#), [253](#), [284](#), [289-97](#), [300-313](#), [327-30](#), [352-3](#)
- семантическая структура леммы [127-134](#), [142](#), [150](#), [195](#)
- топологическая семантика [247](#)
- топологическая схема [11](#), [13](#), [79](#), [147](#), [207-8](#), [244](#), [247](#)
- топология концепта [7](#), [11-5](#), [16-7](#), [43-46](#), [50](#), [62](#), [79](#), [86](#), [109-10](#), [147](#), [195-6](#), [207-8](#), [215](#), [218](#), [221-5](#), [231](#), [233](#), [240-2](#), [244](#), [247-8](#), [254](#), [257-8](#), [261-2](#), [279](#), [312](#), [351](#), [357](#)
- траектор [10](#), [94](#), [145](#), [147](#), [215](#), [232](#), [240-1](#), [247-262](#), [269](#), [279](#)
- тривиальная аскрипция [292](#), [298](#), [300](#), [344](#), [404](#); см. конструкции
- тривиальные и нетривиальные коллокации [291-2](#), [295-6](#), [303-4](#), [307](#), [313-4](#), [320-1](#), [330](#), [332](#)
- узнавание чужого слова [7](#), [13](#), [22](#), [24](#), [29](#), [32](#), [35-38](#), [46](#), [56](#), [58](#), [67](#), [71](#), [73](#), [78](#), [116-7](#), [127](#), [135](#), [138-9](#), [143](#), [147-55](#), [159-67](#), [183-5](#), [193-5](#), [209](#), [233](#), [246](#), [252](#), [254](#), [268-9](#), [273](#), [283](#), [285](#), [335](#), [339](#), [350](#)
- условия искренности [80](#), [99](#); см. иллокутивное обязательство
- усмотрение концепта [211](#), [225](#); см. интроспекция
- установка на перевод см. продуктивное понимание
- учебная функция словаря [7](#), [127-8](#), [132-3](#), [148-9](#), [167-8](#), [183](#), [185](#), [188-9](#), [192](#), [206](#), [210](#), [212](#), [270-3](#), [283](#), [285](#), [307](#), [310](#), [333](#)
- феноменологическая редукция см. интроспекция
- формула концепта [16](#), [53](#), [183](#), [210](#), [288](#), см. тжс. образ слова
- фразеологизмы
- мотивированность размещения [58](#), [118](#)
- фразеология [23](#), [27](#), [40](#), [58-9](#), [153](#), [168](#), [180](#), [182](#), [192](#), [216-7](#), [226](#), [235-6](#), [253](#), [264-9](#), [272](#), [275](#), [284](#), [289](#), [293](#), [299-302](#), [303](#), [304-16](#), [323](#), [325-6](#), [329](#), [334](#), [368-9](#)
- в традиционном словаре [23](#)
- за ромбом [40](#), [58](#), [75](#), [118](#), [147](#), [153](#), [180](#), [235](#), [253](#), [296](#), [304-6](#), [321](#), [325](#), [331](#)
- между лексикой и грамматикой [308](#)
- проблема отбора и размещения [26](#), [192](#), [216-7](#), [238](#), [317](#) и сл.
- функциональная грамматика см. идеографический подход
- функциональная нагруженность топологической схемы [50](#), [79](#), [145](#), [215](#), [218](#), [226](#), [247-260](#), [269](#), [278-80](#)
- функциональная составляющая [11-7](#), [22](#), [25](#), [42-7](#), [57](#), [63](#), [93](#), [108-10](#), [155](#), [159](#), [183](#), [197](#), [205-7](#), [222](#), [235](#), [239](#), [241](#), [248](#), [259](#), [277-9](#), [296](#), [302](#), [312-3](#), [335-8](#)
- немаркированная [21](#), [70](#)
- функциональное отношение [42](#), [145-6](#), [258-9](#)
- между TR и LM [210](#), [240-2](#), [247-8](#), [252](#), [258-61](#), [277-81](#)
- функциональность [15](#), [43](#), [47-50](#), [70](#), [218](#), [221-2](#), [225-6](#), [228](#), [231](#), [236](#), [259](#), [279-80](#), [292](#)

приписываемая [221-2](#)
тривиальная [14](#), [22](#), [42](#), [49](#), [146](#), [221-6](#),
[228-31](#), [236](#), [243](#), [270](#), [279-92](#), [296](#),
[313](#), [326](#), [332](#); см. тжс. прототип как
тип употреблений с тривиальной
функциональностью; тривиальная
аскрипция
функциональный компонент [247](#); см. функциональная составляющая
частица [7](#), [13](#), [27](#), [32](#), [35-40](#), [70-1](#), [77-96](#),
[101-12](#), [118-26](#), [198-9](#), [213](#), [236-8](#), [241](#),
[256](#), [263](#), [271-3](#), [276](#), [358](#), [365](#)
членение леммы на значения [48](#), [75](#), [127](#)-
[130](#), [133-5](#), [137](#), [140](#), [151](#), [154](#), [164](#), [168](#),
[180](#), [182](#), [255](#); см. тжс. семантический
объективизм в лексикографии: филиа-
ция
циркулярность см. порочный круг в лекси-
ко-графическом описании
эквивалентность в СПП [76](#), [136](#), [149](#), [160](#),
[162](#), [180](#), [183](#), [186-7](#), [193-6](#), [203-4](#), [205-6](#),
[211](#), [238](#); см. тжс. концепты: нейтра-
лизация
подставимость [203-206](#)
экземплификация [76](#), [117](#), [207-17](#), [237](#), [270-2](#),
[284](#), [303](#), [305](#), [309](#), [312](#)
экспликации концептов [16](#), [20-2](#), [29](#), [35](#),
[52-7](#), [68](#), [71](#), [75](#), [84](#), [108](#), [138](#), [143-4](#), [149](#),
[152-4](#), [159-64](#), [168](#), [186-90](#), [194](#), [196](#),
[202-6](#), [207-12](#), [217](#), [220](#), [225](#), [235-40](#),
[245-6](#), [268-77](#), [285](#), [292](#), [295-6](#), [309-16](#), [320-3](#), [327-39](#), [340-3](#), [346](#), [352-5](#); см.
тжс. концепт: описание; узнаваемость
чужого слова
энантиосемия [28-32](#), [182](#), [202](#), [228](#), [318-9](#),
[340](#)
этимология [43](#), [62](#), [149](#), [154](#), [199](#), [209](#), [222](#),
[246](#), [268](#), [288](#); см. тжс. слово: внутрен-
няя форма
ядерный концепт [17-8](#), [21](#), [45](#), [49](#), [63-4](#),
[109](#), [148](#), [194](#), [206-7](#), [211](#), [215](#), [220](#), [224-5](#),
[231](#), [238](#), [242](#), [248](#), [286](#), [288](#); см.
первообразная концептуальная схема
ЯЕ как содержательные формы [7](#), [11-2](#), [40](#),
[48](#), [79](#), [289](#), [294](#), [302](#), [340](#), [357-8](#); см.
тжс. символический постулат
язык
антропоцентрический тезис [13](#), [16-7](#),
[23](#), [43-7](#), [78](#), [109](#), [144](#), [146](#), [155](#), [184-5](#),
[202](#), [222](#), [224](#), [234](#), [247](#), [258-9](#); см.
тжс. положение человека в языке;
смысловая позиция говорящего
как конечный автомат см. автоном-
ность грамматики; генеративизм
как лексико-грамматический контину-
ум [7](#), [11](#), [117](#), [185](#), [193](#), [217](#), [252](#),
[299](#), [307](#), [343](#), [350](#); см. тжс. словарь
и грамматика
как среда существования [202](#)
обыденный [17](#), [143](#)
языковые игры [85](#); см. слово: как арена
разыгрышания смыслов

Указатель слов, НЛЕ и конструкций

absolute [149-151](#)
all of a sudden [300-301](#)
beautiful [315-316](#)
but [198](#)
drop [311-312](#)
fame [161](#)
felicitous [149](#)
for [203-204](#)
heavy smoker [283-285](#)
horses [54-55](#)
imbue [154](#)
in [216, 240-244](#)
island [151-152](#)
magazine [55](#)
make [152](#)
pedestrian [152-153](#)
redness [245](#)
slight [166-167](#)
sway [56](#)
table [42, 49, 52, 59-64](#)
tenor [148](#)
toasted vs roasted bread [310-311](#)
vehement [153-154](#)
well [42, 78, 82](#)

absolut [150-151](#)
bord [42, 52, 59, 64-65](#)
budskap [74-75](#)
droppa i havet [338](#)
fjärådisk [72-73](#)
fråga [138-140, 321](#)
kränkande [164-166](#)
lätsas, lätsas om [26-32](#)
mönster [162](#)
nå [42, 81, 83](#)
notera [53, 71](#)
om [49, 215, 245, 246-269](#)
omgång [161-162](#)
skatt [220-224](#)
stark [217](#)
tämligen [163](#)
ungdomsfylla [161](#)

bezug [55](#)

-бавит [287-288](#)
брести (пустырем ...) [298, 346](#)
в [216, 240-244](#)
вдова, вдовец [201-202](#)
вешать лапшу на уши [332](#)
вины [201-202](#)
вопрос [298, 321](#)

ворон [58](#)
выйти [144-147, 210-211](#)
выйти боком [303](#)
гасить - тушить [158-159, 276](#)
гнев [226-227](#)
гора [58](#)
горький пьяница [332, 339-340, 344](#)
дать [329](#)
дать дуба, врезать дуба [192, 290, 327](#)
для [277, 281-282](#)
закрутиться, замотаться [385-386](#)
застолье [214, 285](#)
зеленая трава [292](#)
играть [328-329](#)
изменить [312](#)
каменный дом [314](#)
колоть [238-240](#)
комар носу не подточит [324](#)
красивый [316](#)
краснота [245](#)
крепкий, сильный, прочный [317-320](#)
крепкое вино [317](#)
крутить [286](#)
крыша поехала [354](#)
лезть [40-41](#)
литъ [160-161](#)
мебель [44, 49, 57-58](#)
мне хочется пить – I'm thirsty [297-298](#)
на [69, 203, 277-282](#)
на все про все [325-326](#)
наивный [141](#)
на ловца и зверь бежит [322-324](#)
напрасно, зря [18-21](#)
напрасный [227-231](#)
на склоне лет [354-355](#)
начаться [156](#)
не в свои сани не садись [323, 335, 338, 352](#)
негодяй (мерзяец, подлец, сволочь, подонок) [155](#)
не зная броду, не суйся в воду [348](#)
неточность [160](#)
ни рыба ни мясо [282-283](#)
ну [35-40, 77-126, 167-178, 236-238, 270-274](#)
острый вопрос [321](#)
поверхность [278](#)
порок [163](#)
принять на грудь [290](#)
про [326](#)
бросить [294-295](#)
свалить дурака [329-330](#)

сильный [217](#)
скотина [13-16](#)
случай (событие, происшествие) [129-130, 178-183](#)
собаку съесть [331-332](#)
словья баснями не кормят [323-325](#)
спрятать концы в воду [330-331](#)
стол [40-52, 57-67, 234-236](#)
столик [69-70](#)
стол красного дерева [296, 341-343](#)

сыграть в ящик [328-329](#)
туча [58](#)
тищетный [230-231](#)
тяжелый камень [291-292, 304, 344](#)
условно [73-74](#)
у семи няньк дитя без глазу [322-324](#)
фигура [133-137](#)
фигурка [137](#)
школьник [201-202](#)
шляпка от Шанель [349-350](#)

КОНСТРУКЦИИ

- [*и* V _{INF}] *и* кричать [39, 82, 105](#)
- [Adj N] аскриптивная конструкция; конструкция тривиальной аскрипции (тяжелый камень) [21, 235, 291-292, 296, 298, 300, 314-315, 344](#)
- [NP₁ NP₂ _{GEN}] семейство конструкций, включающее выражения вида *стол ручной работы*, где NP₁ – имя артефакта, NP₂ – анкерная именная группа со значением специфического качества [236, 341-343](#)
- [ROOT MORPH COLOR + -ость/-есть ||-изна] вида *синесть||голубизна* [245-246](#)
- [N *vara* ADJ _{PART PASS}] *hon är bortrest* [246](#)
- [N1 на N2 _{ACC}] *куртка на мальчика* [212, 214-216](#)
- [N1 для N2 _{GEN}] *куртка для мальчика* [204, 280-282](#)
- [Sbj V _{TRANSFER} Obj _{ACC} Obj _{DAT}] *N купил куртку мальчику* [344-346](#)
- [*ни X ни Y*] *ни рыба ни мясо* [282, 347](#)
- [не P _{COND}, не Q _{IMPER}] *не умеешь, не берись* [348](#)
- [heavy N _{HABITUAL AGENT}] *heavy smoker* [283-285](#)
- [PREF 3A- | BASE MORPH V _{IPF} iter | -СЯ _{REFL}] *закрутиться* [285](#)
- [PREF {PREF} + -бавить] *прибавить, позабавить* [287-288](#)
- [AGENT *vara* Adj _{UNCONTROLLABLE STATE}] *jag är törstig* [298](#)
- [V NP _{INSTR}] семейство конструкций, включающее [V AGENTIVE MOTION NP _{INSTR} 'path'] [298, 346](#)
- [ALL OF + OBJ _{A(N) + PARTITIVE NOUN, PRONOUN}] *all of a sudden* [300-301](#)
- [SUBJ [V OBJ OBJ₂]] дитранзитивная *Lilly knitted George a jumper* [301-302](#)
- [SUBJ *vara* en N1 {*jävel, baddare ...*} till N2] *han är en jävel till konstnär*, где N1 – имя, обозначающее человека, обладающего к-л. существенным свойством в преувеличенной степени, N2 – имя деятеля [308-310](#)
- [крепкий N напиток] [317-320](#)
- [V _{EXTRAORD. GAME-LIKE ACTION} + N _{ACC} _{INANIM} → anim] *дать дуба* [329-330](#)
- [горький N] где N – имя деятеля со знач. 'одинокий человек, обиженный судьбой' или имя со знач. причины или следствие страданий: *горький пьяница; горький хлеб* [332, 340, 344](#)
- [острый N _{ЗАМЕЧАНИЕ, КРИТИКА, ВОПРОС ...}], где N – имя со значением 'речевой акт' [344](#)
- [*Х от Y:a*] *шляпка от Шанель* [349](#)
- [на N1 _{LOC} ('последняя фаза') N2 _{GEN} ('период существования чого-л. значимого для субъекта')] *на склоне лет* [354-355](#)